

Охотники за артефактами

Автор:

Андрей Левицкий

Охотники за артефактами

Андрей Юрьевич Левицкий

Апокалипсис-СТЯ – Сталкер #14

Жизнь далеко развела двух бывалых сталкеров – Химика и Пригоршню. Один теперь живет на Большой земле и занялся политикой. Другой по-прежнему топчет Зону, да к тому же заболел смертельной болезнью. Но когда загадочная группировка Руна начинает свою тайную деятельность и за Периметр попадает наркотик, имеющий аномальную основу и оказывающий зловещее воздействие на людей, Пригоршня решает, что ему снова пора действовать. Вот только он пока не знает, что впервые на пути у него встанет старый друг Химик. И противостояние этих двоих разорвет Зону в клочья!

Андрей Левицкий

Я – сталкер

Охотники за артефактами

Серия «Stalker» основана в 2013 году

© А. Ю. Левицкий

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также за идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью, подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Глава 1

Пригоршня. Неисповедимы пути твои

Едва я переступил порог спортзала, как навстречу ринулся пожилой, подволакивающий ногу тренер:

– Никита Ильич, как я рад вас видеть!

Несмотря на преклонный возраст и травму, тренер держал себя в форме и летом на пляже вполне мог посоревноваться с молодыми. Все не запомню, как зовут этого тренера: Борис Акимович или Аким Борисович, да и к «Никите Ильичу» никак не привыкну. Я потряс протянутую руку, тренер продолжил:

– У нас успехи. Маликов по Москве взял золото! Вчера!

– Круто! – улыбнулся я и уставился на паренька, околачивающего грушу: сразу видно новичка, от ударов его отбрасывает, работает в основном руками, а не всем корпусом. – Он здесь?

– Нет, сегодня дома, пусть отдохнет.

Хотелось подойти да подправить мальчишку, но я видел, как неодобрительно на него смотрит Аким... Или Борис... Или как там его, надо будет прочесть или у кого спросить. Надо же, опять забыл, тренер толковый, золотоносный, а я забыл его имя. Четвертый спортзал только полгода работает – и на тебе.

– Вы заслужили премию в размере оклада, – пообещал я. – Или двух, это как удастся выбить.

Если бы «выбить» как оно есть, я бы сразу и три оклада выбил, но тут надо работать тоньше. Тут убеждением надо, уж больно однопартийцы жадные. Подумав немного, я мысль озвучил и добавил, что так нельзя, что Маликов – наша гордость, а его тренер, который за полгода вырастил чемпиона бодибилдинга, так вообще молодец, и жалеть деньги – последнее дело.

Тренер чуть смутился и сказал, что Маликов до его тренировок уже имел подготовку, к тому же у него удачная анатомия, но я махнул рукой:

– Не скромничайте, Борис... – я смолк, засекая, исправит меня тренер или нет; не исправил, тогда я со спокойным сердцем закончил. – Акимович.

– И вы не скромничайте. Ведь это ваша инициатива, – он раскинул руки, словно хотел обнять спортзал. – Если бы не вы, не было бы ни спортзала, ни Маликова-чемпиона, ни у меня работы.

Я свел брови у переносицы – никак не привыкну, что ж такое! Спич... найтер... хейтер... В общем, автор текстов был бы мной недоволен. Надо в таких случаях «вести себя как английский лорд: максимум приподнять уголок рта и снисходительно кивнуть, а не краснеть ушами и втягивать голову в плечи». Вспомнив, как надо, я так и сделал, покосился на амбала в джинсах и рубахе – свое отражение то есть. Вроде все так.

– Вас бы в президенты, Никита Ильич! – продолжал меня восхвалять тренер, пришлось раскланиваться, потому что я не за этим сюда пришел.

А зачем, собственно? За тем, что про золото я уже знал и хотел похвалить тренера и Маликова, тренера похвалил, Маликову не перепало, ничего, подождет.

Парковка возле спортзала была привычно забита, и я оставил свою лялечку, «Крайслер-Кроссфаер», прямо между рядами машин. Конечно же, обозначил телефон – вдруг кому срочно надо выезжать? Или вдруг какая красotka позвонит – прокачу с ветерком на своем кабриолете, может, пообедать свожу, но дальше дело не пойдет, мне нельзя, я женат.

За рулем я потянулся, хрустнул пальцами, запрокинул голову и улыбнулся снующим в небе стригам. Как все-таки здорово жить! Когда-то я только мечтал о такой машине, и вот она моя! Эта, чтобы погонять по трассе, вторая, «Крайслер-Пацифика», – чтоб семью возить.

Наверное, я это заслужил. Иногда кажется, что Он специально так сделал, чтоб моими руками творить добро. Ну а почему бы не поделиться, когда у тебя все есть? Люди меня любят, жена любит, дети замечательные – без промысла свыше тут не обошлось.

Машина взревела двигателем и покатила к повороту. Все-таки на кабриках здорово за городом ездить, а тут такой шум, такая вонь, что ну его на фиг! Скоро воскресенье, поедем на дачу двумя машинами – я на этой, Леся – на «пацифике». Рука потянулась к магнитоле, и я включил Стива Эрла. Обожаю кантри! Особенно когда едешь в Астрахань на рыбалку, а там степи, как прерии... Жаль, непонятно, что они там бельмечут. Химик говорил, что кантри – это американский шансон, наверное, шутил. Ну как можно сравнивать? Все равно что «крайслер» и «жигули».

Единственное, чего мне порой не хватает, – Зоны. Прямо как накатит тоска – хоть волком вой. Вот тогда и еду гонять за город. Когда детей не было, плевал я на все, а теперь нельзя, кто их в люди выводить будет? Как вспомню последний свой поход, уже без Химика... Леся как раз беременная была. При малейшей опасности замирал, думал, как она без меня останется? А с ребенком что? Он ведь моя кровь. И тупил безбожно, чудом выжил и группу вывел.

Носовихинское шоссе, которое Химик шутя прозвал Носовихин-штрассе, замерло в пробке. Зря надеялся, что проскочу в обед. Надо будет на заседании внести

предложение, чтоб дорогу расширили, если нет, пусть хотя бы в поселке, где три светофора подряд, сделают переходы над дорогой, а то вечный затор.

Теперь я хоть что-то могу. Да, кстати, могу сделать так, что про мои спортзалы снимут сюжет.

Через час докатился к дачам, где современных раз-два и обчелся, зато деревянных, покосившихся, на терема похожих – валом. Их бы снести, и по полосе с каждой стороны сделать. Запиликал телефон, я аж вздрогнул, нажал на кнопку и поднес аппарат к уху.

Над этим аппаратом все смеются, ретроградом меня называют, а мне не нравится пальцем в экран тыкать, на то айпад есть, телефон должен звонить, и все. Одной рукой я рулил, второй держал телефон возле уха, так и не глянул, кто звонит.

– Да!

– ... ре ... ой Димка... ер, – забулькало в трубке, что за ерунда со связью?

– Денис, ты, что ли?

Это что же я, лучшего друга не узнал? В трубке щелкнуло, голос Дени стал отчетливым:

– Ты далеко? Приехать можешь?

Слишком отчетливым стал голос Дени. Даже скорее – мертвенным, таким голосом только станции метро объявлять.

– Из Железнодорожного выехал. Что случилось?

– Димка умер.

Первым на ум пришел мой спич... короче, текстовик – молодой дерганый пацан двадцати пяти лет. Вторым – друг Дени, который как раз чем-то болел, дай бог памяти чем. Вроде диабет у него в сорок лет начался... Кто из них? Или еще

какой-то Димка?

– Который? С диабетом?

– Мой сын.

Я ударил по тормозам, выматерился, включил аварийку, сзади засигналили. Остановиться бы, да негде.

– Сегодня не первое апреля, не шути так... Что случилось? – молчание в ответ. – Денис?!

– Жду в Реутове у фонтана. Как раз одновременно приедем.

Прерывистые гудки. Дениному Димке четырнадцать, что произошло?! Пьяный мажор за рулем? Другое на ум не приходило. Засужу подонка, он у меня в тюрьме сгниет, но перед тем закукарекает.

Или не мажор, или наркоманы деньги вымогали?

Драка в школе?

Что?!

Хороший ведь пацан... был. Учился, боксом занимался... Может, травма, несчастный случай?

На подъезде к Реутову дорога расширилась, и «крайслер» вспомнил, что он гоночный болид. Спустя десять минут я был на месте, уселся на скамейку напротив маленького храма, по привычке перекрестился. Танцующий фонтан, гордость парка, ремонтировали, и сейчас танцевали только лепестки цветов в лужах, оставшихся после недавнего дождя.

Солнце припекало по-летнему, но спрятаться было негде – листья еще не распустились, да и этот парк молодой, чтобы деревья начали давать тень, должно пройти еще лет пять.

На скамейке справа сидели роллеры – кудрявый пацан и девочка с розовыми волосами, две рыжие близняшки лет тринадцати учились кататься на роликах и напоминали коров на льду. Вокруг них нарезал круги парнишка постарше – рисовался, у него все получалось. Здесь была плитка, и ролики тарахтели на стыках.

Скоро и моя Элина женихаться начнет... или невеститься? Как оно правильно называется? Трудно представить, что молокосос типа этого рисующегося – мою девочку... Убью! Подольше бы она оставалась ребенком, как Денин Димка.

Что же случилось с Димкой и почему понадобился я? Когда случается горе, не до встреч с друзьями. Или Деня хочет попросить об услуге? А может, ему просто не с кем поговорить... Это вряд ли, приятелей у него всегда было море.

А вот и он. Деня был среднего роста, если не сказать маленького, но сейчас казался еще меньше – сутулый, черный какой-то, руки туда-сюда болтаются. Среди людей, довольных майским солнцем, он, как клякса. Увидел меня, ускорил шаг, молча сел рядом. Я тоже молчал, ждал, когда он заговорит сам.

– Наркота, – прохрипел он, вытащил сигарету и сломал ее, как спичку, выругался.

Когда мы познакомились, Деня бросал курить, бросил, вот, начал. И кто его осудит? Я – точно нет. Деня закурил и продолжил, давясь дымом:

– Мы думали, у него в школе конфликт... А он и в школу-то не ходил... Двое суток искали, он шлялся где-то, а потом – вниз головой с моста... Прямо под колеса. Сам. Никто ему не помогал. И почему? Почему нам не сказал, мы помогли бы... – в его непослушных пальцах сломалась дымящаяся сигарета, упала на асфальт.

Краем уха я слышал, что по столице прокатилась волна самоубийств подростков, но не придавал этому значения. Хотелось как-то утешить Деню, но я чувствовал, что сделаю только хуже, мне нужно сидеть и ждать молча.

– Он сейчас на вскрытии, мой мальчик. Я был против, но мне сказали, что без судмедэкспертизы никак. Я и так знаю, что это новая наркота виновата.

– Уверен?

– Да. Потому сразу тебе и позвонил, – он вскинул голову и прямо посмотрел мне в глаза.

Я многое повидал, можно сказать, со смертью на брудершафт пил, но его взгляд – самое страшное из всего, что я видел, хотелось съежиться и втянуть голову в плечи.

– Надо наказать тех, кто сделал это с моим мальчиком. Поможешь?

Чем, ну чем я помогу? Оторву руку наркоторговцу? Закопаю его? На незаданный вопрос Деня ответил сам:

– Ты же можешь предать дело огласке. Партии вашей нужно же как-то привлекать к себе внимание? У тебя ж дочка подрастает, а эти твари прямо в школе торгуют! Мы только начнем... И я сам казню виноватых, а остальных – под суд!

Он сжал кулак так сильно, что костяшки побелели, лицо его тоже побелело, обычно яркие губы вытянулись в нитку. Он напоминал свеженького зомби из болот. Тьфу ты, ну и мысли в голову лезут, прости, Господи!

– И пусть кукарекают, – сказал я без задора. – Там таких любят.

Произошедшее не укладывалось в голове. Только неделю назад видел Димку, все у него было хорошо, и на тебе! Ни за что бы не подумал, что мальчик-хорошист, к тому же спортсмен, подсядет на наркоту.

Деня смотрел на купола храма с ненавистью, и губы его неслышно шептали:

– За что?

Я и сам не понимал, за что расплачивается Деня, отличный семьянин, ну погуливает от жены, возит девок на дачу – а с кем не бывает? Не ворует, не убивает, честно трудится. Если так разобраться, я больше заслужил немилость.

– Послезавтра в три похороны, приходи, – проговорил он, вставая.

Я тоже встал, пожал протянутую руку. Деня еще раз кивнул и побрел прочь, сутулый, маленький. А я остался стоять, как поленом по голове прибитый, надо бы догнать его, утешить как-то, но что-то будто не пускало. Так быть не должно, это неправильно и не с нами!

Но вот Деня, вот я... А Димки больше нет.

Только сейчас заворчалась злость. Хотелось догнать Деню, потребовать, чтоб привел к сволочам, а уж я их – как щенков! Кулаки сжались, я зажмурился, вдохнул-выдохнул и опять вспомнил текстовика, еще первого, который мучился со мной, мучился и уволился.

«Если хочешь жить среди людей, привыкай решать проблемы головой, а не кулаками. Хочешь стать нормальным человеком? Усмири внутреннего зверя, сумей промолчать, даже если видишь, что прав».

Все-таки Зона честнее. В Зоне если на тебя наехали, ты вооружился и пошел разбираться – Зона рассудит, кто прав. А здесь – терпи. Задолбало быть терпилой!

Захотелось послать все к чертям, достать старый добрый АК и пострелять сволочей, а потом в Зоне окопаться, и хрен меня оттуда достанут!

Но что будет с моей семьей? Куда они без меня? Я снова сел и сжал голову руками. От злости хотелось что-нибудь разнести.

На соседней скамейке смеялись подростки. Каждый из них может оказаться на месте Димки, и моя дочь – тоже. Себя вспоминаю в их возрасте, и жуть берет, ведь все делалось назло родителям, чтоб доказать, что я уже взрослый, я могу, и надо со мной считаться.

* * *

Мы с Лесей долго выбирали дверь в наше гнездышко и даже чуть не поссорились, а потом заказали эту – железную, с ковкой в виде переплетенных

стеблей травы, с глазком – сердцевинной цветка и фигурной бронзовой ручкой. Поначалу Леся безумно гордилась дверью, потом привыкла, а вот соседи с ней примириться не смогли, и пару раз кто-то царапал неприличное слово, потому пришлось установить камеру.

Если бы они знали, что в моей квартире шесть комнат, не считая кухни, то многие не выжили бы, удушенные жабой.

Едва мой ключ повернулся в замке, как из квартиры донесся радостный дочкин возглас:

– Мама! Егорка! Папка приехал!

Что-то гроыхнуло, гавкнула Чара, и я распахнул дверь. Только сейчас, когда почуял аромат мяса, жареного с перцем и чесночком, я понял, как же хочу есть. Злость испарилась, осталась безнадежность. Ни за что не скажу Олесе, что Денин сын умер, ни к чему ей расстраиваться.

Из-за двери в розовую комнату Элина высунула кудрявую голову, похожую на рыжий одуванчик:

– Папа, а я опять пятерку получила! Мама обещала, что если будут все пятерки, мы заведем кота!

– Молодец, – я разулся и собрался пойти в спальню, чтобы посидеть в тишине, подумать, но из кухни в прихожую выглянула Леся, и глаза у нее были красными.

– Вижу, ты уже знаешь, – она хлюпнула носом.

Я молча сгреб ее в объятия, она впилась в спину ногтями и затихла. Кто бы мог подумать, что из блондинки модельной внешности получится идеальная жена и мать?

– Я уже сказала Элине, чтоб ничего подозрительного из чужих рук не брала.

– Я обязательно во всем разберусь, обещаю! Виновные будут наказаны.

– Жалко Димку, такой славный был мальчишка.

Из столовой высунулся зареванный Егор и взвыл:

– Ма-а-ама! Почему мне нельзя играть на айпаде, а ей можно?

Леся вздохнула и пошла разбираться, обернувшись у порога в гостиную, прошептала:

– Иди в столовую, через две минутки буду накрывать на стол.

Два дня спустя

Шел дождь, и с кладбища все вернулись по колени в грязи. Моя Леся не поехала, сказала, что заболела – она бы этого не перенесла. Да и мне было не по себе, как закрою глаза – появляется Оля, с воем кидаящаяся на гроб единственного сына. Денья был спокойным, но мне его спокойствие не нравилось. Так же спокоен сломанный мотор. Лишь при мысли об отмщении его глаза загорались.

Пока гости поминали усопшего в кафе, мы стояли под козырьком. Денья курил, задумчиво глядя на пузырящиеся лужи, на бегущих прохожих и толчею из разноцветных зонтиков. Шум автомобильного потока сливался со шлепками разбивающихся капель.

– Знаешь, что сказали в лаборатории? – проговорил Денья, выпуская кольцо дыма. – «В крови не обнаружены токсичные вещества». Они будут закрывать дело, – на его щеках заиграли желваки. – Несмотря на то, что двое его одноклассников в больнице с судорогами и явным синдромом отмены. Я написал в «Московский комсомолец», много куда написал, на телевидение, и там отозвались. Может, удастся дело раскрутить, чтоб оно было на слуху. Нашел родителей детей, которые покончили с собой за последний месяц. Знаешь, сколько их? Сорок человек! Ты только задумайся! Все из разных районов, из разных по достатку семей, только одна девочка не перенесла травли, остальные погибли ни с чего.

– Надо что-то делать, – кивнул я, а сам начал перебирать варианты.

Во-первых, обратить внимание Кваснюка на проблему, а для этого – собрать доказательства, поговорить с потерпевшими, с родителями то есть. Если Кваснюк заинтересуется, почему бы не сделать телеэфир? Потом его надо по центральным каналам прогнать, журналистов подключить, а уж тогда менты сами засуетятся, может, кто-то на этом расследовании себе звезду заработает.

Если Кваснюк не заинтересуется, тогда хуже. Придется или самому раскручивать тему, или попытаться через своих людей пнуть ментов, чтоб работали – не факт, что получится.

Я поделился соображениями с Дней, он жадно затянулся и выбросил окурок в урну.

– Спасибо тебе. Ты настоящий друг... Не просто друг – ты Человечище! Знаешь, что Колян сказал, который ближе всех к ментам? А ничего. Не его это дело. Он даже на похороны не приехал, как видишь.

– Я всегда говорил, что он гнида. Ты вот что лучше сделай, поговори с другими родителями, но ничего им не обещавай, потому что я сам не знаю, получится ли у меня, это ж не моя личная партия. И с теми, у которых пацаны в больнице, с их помощью будет проще разобраться, они все-таки из твоего района.

– С некоторыми я уже побеседовал.

– Это отлично. А я попытаюсь продавить через партию. Если получится, будет полегче.

– А если нет?

– Все равно прорвемся, – я улыбнулся и впервые за долгое время ощутил, как вены наполняются расплавленным свинцом адреналина, как сердце срывается в галоп и за спиной разворачиваются крылья.

Странное щекотное ощущение наполненности, как когда крадешься вдоль болота, выцеливаешь упыря, зная, что и он тебя пасет. Он сильнее, у него маскировка, а у тебя – автомат и гранаты. Или как когда лежишь в засаде, а по твоим следам идет группа врагов, ты ловишь каждого в прицел, и палец на

спусковом крючке подрагивает.

Теперь так же, но сложнее, потому что за мной – неотмщенные невинные жертвы, если гадов не остановить, их будут сотни! И врага голыми руками не возьмешь, гранату в него не бросишь, тут хитростью надо действовать.

* * *

Только я и Соловьев могли войти в кабинет Кваснюка без предварительного согласования, но тогда он обычно злился. Мне был нужен добрый Кваснюк, потому я заявил о себе за полтора часа.

Приложил карточку к замку центрального входа в главный офис – пискнув, створки стеклянных дверей передо мной разъехались и пропустили дальше. Затем я преодолел прозрачную вращающуюся дверь, кивнул охраннику и, пренебрегая лифтом, рванул по лестнице белого мрамора на второй этаж.

До сих пор чувствую здесь себя не в своей тарелке, особенно лифт меня раздражает – зеркальный, на вид стерильный, похожий на инопланетный корабль. Так и кажется, что с подошвы отвалится кусок грязи и испачкает ковролин в коридоре, а все начнут тыкать пальцами. Девушки тут работали одинаковые, как роботы, высокие, тощие, длинноногие, но почему-то похожие на крыс. Они всем улыбались и никогда не перечили, когда их отчитывают.

Я постучал в дверь Кваснюка и распахнул ее, не дожидаясь приглашения.

Кваснюк оправдывал свою фамилию и напоминал квашню – рыхлый, обрюзгший, рожа вся в оспинах, нос-картошка – в синих жилках. Он восседал в кожаном кресле, сплетя пальцы на столе, позади него на стене был календарь с логотипом партии «Созидание»: две руки, соединенные в виде сердца, а посреди них – росток. Обычно Кваснюк придумывал всякие программы и советовался со мной, теперь все наоборот.

– Добрый день, Никита, – проговорил он, просканировал меня взглядом и поправил галстук. – Ты встревожен? Что-то случилось?

Я сел на стул напротив, подался вперед.

- Есть соображение, как привлечь избирателей.

Кваснюк вскинул бровь... Ну как «бровь» - надбровный валик с тремя волосками.

- Я тебя слушаю.

От волнения слова разбежались, как тараканы, с трудом взял себя в руки.

- Появилась проблема: в моем районе дети кончают жизнь самоубийством без причин.

- Эта проблема, Никита, существует с начала две тысячи двенадцатого года, а то и раньше. Сообщество «Синий кит», непонятные секты и прочее.

- На этот раз другое.

Кваснюк вздохнул, но перебивать не стал:

- Говори.

- Какие-то новые наркотики, их распространяют прямо в школах. Привыкание возникает мгновенно, дети почему-то уходят из дома, а потом их находят мертвыми. На вскрытии... Короче, вещество выводится мгновенно.

Кваснюк проговорил задумчиво:

- Выводится мгновенно, но привыкание вызывает - это, Никита, невозможно, потому что если есть привыкание, значит, и вещество циркулирует в организме, а когда его становится меньше, зависимый пытается восполнить потери. У тебя проблемы? Что-то в семье? Я понимаю, лучше сразу скажи.

- У меня все хорошо, но проблема есть. Надо рассказать о ней людям и остановить. У меня есть доказательства!

Кваснюк развел руками:

- Где?

Хотелось ударить эту рыхлую рожу, но приходилось сдерживаться. Как же его убедить? Текстовик смог бы. Наверное, надо было сначала текстовика найти, чтоб подсказал, как правильнее сказать, чтоб Кваснюк заглотнул наживку.

- Будут.

- Ну вот когда будут, тогда и поговорим. Как я понял, ты хочешь сделать проблему достоянием общественности? Так прежде нужно доказать, что она есть. Кроме того, кто только эту тему не топтал. Пока у человека не случилась беда, ему плевать на несчастье соседа. Вот повышение транспортного налога или подорожание колбасы – тема актуальная, злободневная и касающаяся каждого.

- У вас есть дети?

- Внучке три года. Понимаю, что ты хочешь сказать. Согласен, дети волнуют всех, если доказать, что и с ними может случиться беда, но эта не наша тема... Никита. Послушай, понимаю, проблема тебя задела, но... Хорошо. Если предоставишь доказательства, я подумаю, как изыскать из бюджета средства. Пока можешь обратиться в нашу службу безопасности.

Спокойно! Не нервничать. Ничего не разбить, особенно – эту рожу, похожую на удобрение для того самого ростка в ладонях. Он боится меня и врет. Он ничего не будет делать. Может, я неправильно все преподнес? Он и сбрушнику нашему Литвинову велит ничего не делать и морочить мне голову.

- Собирай доказательства, Никита, и приходи.

Я улыбнулся так, что Кваснюк съежился и уменьшился.

- Хорошо, Игорь Олегович. Я еще приду.

Не к тебе приду, к Соловьеву, он больше соображает и лучше. Поговорю с текстовиком, пусть мне правильно все составит. Если не справлюсь сам, подержаю за одно место Литвинова.

Хотелось хлопнуть дверью так, чтоб со стола Кваснюка посыпались статуэтки, но я сдержался. Впервые за много лет бессилие овладело мной. Наверное, зря я завязал с Зоной, не мое это все. Ощущаешь себя слоном в посудной лавке.

Ни машина больше не радовала, ни майский день. Я взял свой огромный кнопочный телефон, которым хоть орехи коли. И что теперь? Звонить Дене, говорить, что ничего пока не получается? Не потому, что все безнадежно, а просто хреновый из меня парламентар.

Деня позвонил первым – аппарат чуть из рук не выпрыгнул.

– Слушай, что я раскопал! – затараторил он. – Оказывается, одна семья уже наняла детектива, и знаешь, куда привели следы? Не поверишь! Теперь без тебя точно никак и никуда. В Зону они привели! Не в ту, где сидят, а в твою, аномальную.

Вот так поворот! Я аж на тормоз надавил и перестроился в правый ряд, чтоб кого-нибудь не снести.

– Мне бы поговорить с сыщиком твоим...

– Приезжай в Реутово к фонтану, мы через полчаса будем там.

Глава 2

Химик. Институт

– Ну сколько можно так валяться?! – донесся рев Кобы, залегшего в валежнике, – скорее жалобный, чем грозный. – Спина отвалилась!

Неразборчиво забормотал Джига, и Коба смолк.

Как и они, я уже битый час неподвижно лежал за поваленным деревом на пригорке. Ломило поясницу, от земли тянуло сыростью, жутко хотелось почесать

плечо, но приходилось терпеть. Можно только двигать головой, чтобы глянуть в установленный на стволе бинокль – иначе «горгона» среагирует на движение и не проявится.

Заболоченная поляна внизу напоминала плешь кабана-мутанта с редкими пучками щетинистой травы. Я сам не понимал, откуда знаю, что поджидать «горгону» надо именно здесь, мы три дня впустую блуждали по Зоне, уже повернули назад к Институту, и вот в паре километров от него я понял: здесь, очень скоро.

Коба и Джига уже не нужны, я и сам справлюсь, они, скорее, мешали, но отправлять восвояси их уже поздно. Ничего, пусть тренируют терпение. В такие напряженные моменты всегда вспоминался Пригоршня – молодой, неунывающий, в неизменной ковбойской шляпе, словно и не случилось с ним того, что случилось. Иногда думается, что лучше бы он умер, но не превратился в насмешку над собственной мечтой.

Или показалось, или пространство над поляной подернулось зыбью, затрепетала трава, вода в лужах помутнела – я напрягся, сжал в руке железную гайку, горячую и влажную. Мир будто бы замер, смолк сверчок, провожающий день, окаменел паук, ткавший паутину между поваленным стволом и рюкзаком, и собственное дыхание сделалось недопустимо шумным.

От воды вверх вытянулся розоватый сполох. Еще и еще один. Внутри каждого будто бы пульсировало голубое электрическое сердце. Сполохи-нити сплетались в тугие канаты, сливались друг с другом, образуя розово-голубой цветок, светящийся изнутри. Нет, скорее гигантскую медузу щупальцами кверху. Вот она, Горгона во всей красе!

Только бы нетерпеливый Коба не разрядил ее раньше времени! Нет, не должен, он глуп, но не настолько. «Горгона» большую часть времени невидима и работает как «электра» – шарашит током, причем если разрядить непроявленную «горгону», толку ноль – кроме проплешины на земле, куда ударило молнией, ничего. А вот если дать ей проявиться, то велика вероятность добыть то, что мне жизненно необходимо – «ведьмин коготь».

«Горгона» танцевала над поляной, как гигантская бабочка, – вверх-вниз, вверх-вниз, наливалась цветом, роняла искры в воду. Пора.

Я сгруппировался, выглянул из убежища, бросил в аномалию гайку, сразу же пригнулся – и вовремя, потому что «горгона» среагировала на движение, метнула разряд, он поразил сосновый ствол, осыпал меня снопом искр...

Аномалия разряжалась с грохотом и треском, как новогодний фейерверк. В стороны выстреливали разноцветные трассеры разрядов, осыпали мох и заросли тростника, летели искры и гасли в воде, шипели, валил серо-черный дым.

Сквозь шум прорывался крик Кобы:

– Йо-хо-хо!

А вот мне было не «йо-хо-хо», потому что «горгона» разрядилась над болотцем, если она породила «ведьмин коготь», он на дне. Остается надеяться, что это неглубокая лужа, а не омут.

По дымящемуся склону бугра я сбежал к луже, поднял полутораметровую палку, ткнул в воду в нескольких местах: везде было максимум по колено. Придется немного помокнуть.

– Эй, ты куда? Ты чего? – заорал покинувший засаду Коба, увидев, что я стянул берцы и собрался лезть в воду. – Это опасно! Кислота!

Вода была самой обыкновенной, холодной и мокрой. Стопы провалились в мягкий и скользкий ил. С огромной вероятностью «коготь» находится в середине лужи. Волоча ноги по илу, я сделал четыре шага и прислушался к ощущениям: надо сделать полтора шага правее. Ухмыльнувшись, я глянул на сопровождающих: длинный, мосластый Коба, сопереживая, танцевал недалеко от лужи, рыжий и рябой Джига стоял неподвижно, скрестив руки на груди.

– Поражаюсь тебе, Химик! – выдохнул Джига.

Кто хоть раз видел его, уже не забудет: типичная монголоидная внешность в нем сочеталась с огненно-рыжими волосами и веснушками.

– Хватит поражаться, лучше помоги. Здоровая доля безумия помогает дожить в Зоне до моих лет.

Я принялся шарить руками в вязком иле – плавно, осторожно, чтоб не пораниться о сучок. Ветка, еще ветка, и внизу тоже. Я растянул ветки в стороны, и рука коснулась шероховатого теплого камня. Есть контакт!

Артефакт напоминал отрезанный палец размером с три человеческих: костяное шероховатое основание, темнеющее к концу и загибающееся наподобие когтя. Если положить его на одну ладонь, а другой накрыть сверху, ощущается слабая пульсация, будто бы артефакт отталкивает руку.

Коба и Джига думают, что «палец» нужен для важных исследований, от которых зависит судьба человечества, на деле же они просто спасают мою шкуру: сборка из крайне редкого «пальца» и «гематогена» дает артефакт, продлевающий ремиссию на год плюс-минус пару месяцев при том, что все прочие арты дают кратковременный результат с побочными эффектами, усугубляющими течение болезни.

– Ну и везет тебе, Химик, – с нескрываемой завистью протянул Джига.

– Ага, как утопленнику, – улыбнулся я.

Шутку Джига, конечно же, не понял, меня они уважали и не позволяли себе панибратства, я для них был чем-то типа старейшины племени – мало чей стаж в Зоне превышал пятнадцать лет.

Если бы не Институт, мой стаж закончился бы семью годами. Не мутант, не аномалия остановили бы меня – лейкоз. Никому не позволено нарушать покой Зоны безнаказанно. Молодежь думает, что это как гонки на болидах, а на самом деле скорее как война – Зона поселяется в тебе, присваивает, и ты без нее уже не можешь. В итоге она забирает тебя насовсем.

– Ну что, валим? – осторожно поинтересовался Джига.

– Солнце скроется, муравейник тю-тю, – почти без акцента проговорил Коба.

Издали донесся визг радиоактивного кабана, переходящий с предсмертный хрип, Коба шевельнул монобровью и уставился вдаль, повел плечами.

– Что, расслабился? – Джига погладил противогаз, лежащий поверх резинового плаща.

Джига всегда перестраховывался и этим напоминал меня в молодости, а раскрепощенный простодушный Коба – Пригоршню, не к ночи будь помянут. Воспитывал-воспитывал его, да все во вред пошло.

Коба широким шагом обогнул лужу и направился к замшелым буграм.

– А ну стой, куда разогнался! – скомандовал Джига, и Коба в землю врос, обернулся и сделал недовольное лицо – мол, чего тебе?

Джига догнал его, тщательно осмотрел поляну, бросил вперед гайку – она махнула оранжевым хвостом и повисла на шиповнике.

– Ну и? – буркнул Коба.

– Тише едешь – дальше будешь.

С автоматом наготове Джига подбежал к шиповнику, взял гайку.

– Ты и по квартире с автоматом бегаешь? Ясно же, что ничего нет.

– В Зоне ничего не ясно, – отмахнулся Джига.

Я шагал следом за ними, почти физически ощущая «коготь» в контейнере. Мне нужно набраться сил, прежде чем выдвигаться за «живицей» – недостающим звеном для сборки из семи артефактов, которая способна не только избавить меня от болезни, но и изменить общество. Вот на это я бы посмотрел! Как рушатся големы на глиняных ногах, как тараканами разбегаются паразиты всех мастей и зарождается что-то новое. Но прежде, конечно, нужно позаботиться о себе.

Институт располагался под землей, защищенный от выбросов бетонными стенами полуметровой толщины и дополнительно – колпаком, который я собрал из четырех артов. Именно благодаря «колпаку» стало возможно использовать компьютеры. Чтобы любопытным было нечего тут ловить, приходилось

разряжать аномалии, кроме того, в километре от входа я создал «кольцо» – что-то наподобие «паранойки», но в основе его работы – инфразвук, потому, когда сталкеры, заподозрив неладное, использовали арты от пси-аномалий, они не действовали, и незваные гости уходили восвояси.

Над входом в Институт находился деревянный сруб с гостевыми комнатами – фикция чистой воды, дохода заведение не приносило и существовало для отвода глаз, цены там были ломовые, номера грязные и пыльные, если кто и сидел в баре – охранники и сотрудники Института, даже барменом работал охранник. Лишние люди надолго там не задерживались.

На крыше крутили лопастями, мерно стрекоча, три ветряка. Под козырьком поскрипывала деревянная вывеска, качающаяся на цепях. «Три поросенка». Почему так называли бар, не мог ответить даже Иггельд, отец-основатель Института.

Дверь распахнулась беззвучно, в лицо пахнуло табачным дымом и запахом жареного мяса. За столиком играли в нарды Чук и Гек – братья, похожие друг на друга – лысые, коренастые, с эспаньолками. Они были заинтересованы в Институте по той же причине, что и я, и так же ревностно оберегали его. После пяти лет в Зоне старший Чук заболел раком, лечился долго и безрезультатно, помогли ему только здесь.

Сидевший ко мне спиной Чук обернулся, схватившись за лежащий на столе автомат, но просиял, кивком ответил на приветствие и опустил на стул.

– Как дела, бродяги?

Розовощекий Гек не поленился встать, пожал всем руки и обратился к моим сопровождающим:

– Как вы смотрите на то, чтобы пропустить по рюмашке?

– Не, я – спать, – сказал Джига и зевнул.

– Вино есть? – поинтересовался Коба. – Если есть, буду.

– Только то, что ты три дня назад не допил.

Коба остался, а мы с Джигой по скрипучим доскам прошествовали за барную стойку к лестнице, ведущей в номера. Джига откинул люк под лестницей и спустился в бункер, который деревянной перегородкой, имитирующей подпорную стену, делился на две части: бункер для попавших под выброс сталкеров, оказавшихся неподалеку, и вторую часть, где была бронированная дверь наподобие корабельной на кодовом замке в форме красного руля, который надо в разные стороны крутить определенное количество раз.

Вправо – исходное положение – влево – исходное – два раза влево, пять раз вправо – надавить на середину руля. Дверь вздохнула и чуть отошла от стены, я потянул ее на себя и шагнул в ярко освещенный длинный коридор, от которого в стороны отходили одинаковые двери. Самые первые, решетчатые, были чем-то типа КПП, откуда меня поприветствовали Уксус и Бали.

Мне нужно было в жилой блок – две последние двери, моя справа.

Еще один коридор, больше напоминающий прихожую или уютную лестничную клетку на пять квартир. Только я достал ключ, как из своего жилища выпорхнула лаборантка Таня, ойкнула, поздоровалась и заторопилась по своим делам. Толстая коса моталась из стороны в сторону, как хвост недовольной черной кошки. Возле выхода она обернулась, приложила палец ко лбу:

– Забыла! Иг приехал и хотел тебя видеть, вот!

– Спасибо, – кивнул я, шагнул к себе и подумал, что отдыхать хочу больше, чем видеть Иггельда, но все равно в ближайшее время не получится – ему уже донесли, что наша группа вернулась.

Я скинул прорезиненный плащ, освободился от подсумков и контейнеров, наскоро принял душ и поспешил к Иггельду.

В отличие от всех нас он жил прямо в лаборатории, отгораживался шторкой от лабораторных обезьян, крыс и мышей и спал под мерцание мониторов с камер наблюдения, как и подобает чокнутому профессору. Правда, профессором он не был, его поверхностные познания компенсировались изрядным градусом фанатизма. Как и я, он был исследователем, изучал Зону и мир в целом.

- Ты представляешь, Эджернон умер, - проговорил он, едва я переступил порог.

Я глянул перед собой на стеклянный колпак, накрывающий керамическую чашу размером с сидячую ванну, где мы получали «нектар забвения», на аквариум у стены, где гукали встревоженные макаки, на стеклянный лабиринт для крыс, на кушетки и стеллажи с медицинскими инструментами, на шкаф с контейнерами для артов, напоминающий банковский сейф с ячейками. На облучатель, похожий на огромный микроскоп, - штуку бесполезную, но очень любимую Иггельдом. Он верил в облучатель, как в святыню, и был уверен, что с его помощью можно передавать мысли на расстоянии.

С какой-то из полок прыгнул Сова - любимый рыжий кот Иггельда - и принялся с урчанием тереться о ноги.

Этого кота Иггельд буквально по запчастям собрал и вылечил, он вырос, обнаглел и чувствует себя превосходно.

- Эджернон умер у меня на руках, - продолжил Иггельд, и я по голосу нашел его сидящим на коленях перед аквариумом с самодельным лабиринтом из пластиковых трубок, возле первой трубки ждал своей участи черно-белый крысенок.

Я уставился в темечко Иггельда, где по часовой стрелке закручивались спиралью черные с проседью волосы. Кот переключил внимание на хозяина и боднул его ногу, но Иггельд питомца не замечал.

- Может, он от разрыва сердца издох. Вряд ли он тебя любил, учитывая, что ты с ним делал.

Закончив мастерить лабиринт из трубок, Иггельд посмотрел на меня, встал. Кот Сова лениво поскреб лапой стекло, за которым замер крысенок, но тот даже не шевельнулся.

- Он был самым умным, - вздохнул Иггельд. - Мне и правда жаль, я раньше не привязывался к лабораторным животным, но Эджернон... Он понимал слова и выполнял команды, а это важно! Виски будешь? Помянем Эджернона!

В бутылке, стоящей на клетке с мышами, жидкости осталось на два приема. На моей рюмке угадывался след помады – Иггельд и правда жалел крысу-гения; и всех, кто к нему заходил, заставлял поминать усопшее животное.

Иггельд точно был из любимчиков мироздания, ему давалось легко все, за что бы он ни брался. При желании он мог бы преуспеть даже в политике... Да хоть в кино! Три лаборантки с ума по нему сходили, иначе что бы их тут держало? Но Иг почему-то окопался в Зоне и посвятил себя... не науке даже – познанию Зоны как чего-то противоестественного, он будто бы бросал ей вызов, одновременно пытаясь влиться в нее.

Звякнули рюмки, Иггельд выпил виски, провел рукой по щетине. Его черные широко распахнутые глаза пылали – в них разгоралась идея.

– Иди сюда, кое-что тебе покажу.

Иггельд завис над аквариумом, где возле трубки замер крысенок, ткнул в него пальцем:

– Он болел, а теперь, после «молока», просто красавец!

– Ты знаешь, что он все равно издохнет, потому что «молоко» сперва излечивает, но потом разрушает...

Иггельд сверкнул глазами и поманил меня, будто бы я стоял далеко:

– Это не единственные его свойства. Смотри, что еще удалось узнать, – он пощекотал брюшко крысенка. Между трубками Иггельд поставил железную крышку с жидкостью, по запаху в ней угадывался спирт. Поначалу подумалось, что он попытается заставить крысенка помянутьдохлого сородича, но нет, чиркнул зажигалкой, и спирт запылал голубым.

В конце трубки-тоннеля крысенок видел огонь, но не двигался с места, глядел вперед зачарованно.

– Беги! – скомандовал Иггельд и согнулся над аквариумом, оперев руки в согнутые колени.

Крысенок запищал и ринулся вперед. Можно было бы принять его крик за боевой клич, если бы я не знал, как звери боятся огня – крысенок кричал от страха. Даже кот оцетинился и отступил. Черной молнией крысенок метнулся сквозь огонь и выскочил в конце лабиринта. Иггельд схватил его и принялся баюкать в ладонях, целовать в макушку.

Порой кажется, что он – большой ребенок, но мгновение – и ребенок превращается в мудреца. До сих пор не могу понять, что он за человек: любит все живое до беспамятства и при этом заставляет своих любимцев преодолевать испытания на грани жизни и смерти.

– Теперь ясно, от чего умер Эджернон.

– Ты неправ. Я просто взял его в руки, ничего такого!.. Но, скажи, впечатляет! Сила внушения превосходит самый большой страх – страх смерти. Ты еще не передумал добыть «живицу»? Представляешь, какой у сборки потенциал! Сколько людей сходит с ума от безнадежности! Сколько мучается навязчивыми состояниями, а ведь мы рождены для гармонии, все проблемы от того, что мы утратили связь с природой и себе подобными, не так уж и сложно немного повернуть ключик, – он крутнул пальцами, будто бы открывал замок. – И человек больше не страдает шизофренией, не стремится к самоубийству, его не одолевает уныние.

Меня начало одолевать его морализаторство, как уныние – страдающего депрессией, я и так знал, какие надежды он возлагает на новую сборку, знал также о его мечте сделать мир совершенным, вернуть славянам исконную веру и низвергнуть византийского бога. Если б не перекося с истинной верой, его можно было бы рассматривать как образец идеального человека.

Вспомнилось, как я делал сборку из шести артов, а Иггельд с сияющими глазами танцевал рядом, потирал руки, дергался. Мы сами не знали, что получится, ведь я действую всегда интуитивно. Черт, да ведь именно поэтому меня называют Химиком: я химичу с артефактами, разбираюсь в этом. Контактнуя, арты могли сдетонировать, могли вспыхнуть – да что угодно могло произойти, но – лишь легкий хлопок, родивший розоватый дым. Дым рассеялся, и мы обнаружили на полу жидкое вещество, похожее на молоко, но форму оно держало, как ртуть. С названием мучиться не стали, так и назвали его – «молоко».

Иггельд пытался изучить его под микроскопом, разложить на молекулы, но химический состав выдавал неоднородную смесь из органики и кучи примесей.

Когда работаю с артами, мне будто сама Зона нашептывает, какой артефакт нужен, вот и тогда на уме вертелось – «живица». Редкая, но бесполезная сама по себе, в полной сборке она даст нечто сверхординарное, сойдут на нет вредные свойства «молока», полезные останутся, это будет лекарство от всех бед и всех болезней. Правда, ни я, ни Иггельд пока не знаем, как будет выглядеть сборка.

– В таком разрезе мы сборку не рассматривали, – после минутного молчания ответил я на предложение лечить сборкой шизофрению.

Иггельд выпустил крысенка к сородичам-подросткам, покрошил сыр и сказал с сожалением:

– Тебя только собственная шкура волнует. Неужели не интересно?

– Все очень просто, если ты перестанешь существовать, то и мир для тебя закончится, все интересы тоже закончатся, все твои знания и умения закопают вместе с тобой.

– Знаю, знаю, – он скривился. – «Сохрани собственную жизнь вопреки всему» – кто так считает?

– Я так считаю, а остальное неважно.

Он приподнял лицо – благородное, точеное, как лик ожившей греческой статуи, – словно пытался узреть на небе Бога.

– Глупо отрицать то, что ты не видел и не можешь потрогать. Был ли ты в Африке?

Я вспомнил журналистское прошлое и кивнул:

– Был.

– Ладно. В Антарктиде? Ага! Не был! Не щупал ее, не ходил по льду, не видел станции. А вдруг она – мистификация?

Он поднял кота, зарылся лицом в рыжий пух. В этот момент распахнулась дверь, и в лабораторию влетела Таня, глаза ее забегали:

– Извините, я, наверное, помешала.

Таня была такой же странной, как Иггельд, – любила порассуждать о многозначительных намеках на содержание выеденного яйца, тоже впадала в детство и так же неожиданно уподоблялась синему чулку, плюс ко всему в периоды растерянности все роняла, забывала, билась об углы – причиняла ущерб мебели и посуде. Она составила бы Иггельду идеальную пару, но он, похоже, не интересовался женщинами и в длительных отношениях замечен не был. Что-то было с блондинкой Олей, на место которой пришла Таня, но быстро закончилось изгнанием смертельно обиженной Оли.

– Что ты, как раз вовремя. Мы поминаем безвременно почившего Эджернона. Ты его знала?

– Белого крыса? Да. Жалко, – Таня с подозрением покосилась на меня, разливающего виски, взяла из моих рук рюмку и залилась румянцем. – Андрей, что-то ты неважно выглядишь.

Вторую рюмку свободной рукой взял Иггельд, кота переложил на плечо, и он уподобился воротнику.

Кроме нее, никто не называл меня по имени. Чтобы избежать бессмысленных разговоров, я менторским тоном произнес:

– За упокой души Эджернона, положившего живот во славу науки... Таня, как ты думаешь, есть ли Бог?

– Не знаю даже... Да разве кто-то знает?

– Правильно, молодец, – я положил руку ей на плечо. – Вы пока поговорите, а у меня есть незаконченное дело.

На два дня я выпаду из жизни: после лечения «ведьминым когтем» начнутся такие головные боли, что невозможно будет открыть глаза. Затем неделю-полторы будет тошнить, как после химиотерапии. Волосы может выпадут, а может, и нет. У юноши Толика случилось кровоизлияние в мозг, после которого пациент умер – теперь я знаю, что могу помереть от кровотечения.

Переступая порог своего жилища, я ухмыльнулся. Сначала было обидно, что меня убьет не выброс, не враг и не мутант, теперь я смирился и научился бороться не с помощью автомата и РПГ, а стиснув зубы. Когда восстановлюсь, недели через две, будем выдвигаться за «живицей».

Все неудобства отступали перед предвкушением новой тайны.

Глава 3

Пригоршня. Почтальон Печкин

На место встречи я уже привычно приехал раньше. Как мне сигналили безвинно подрезанные, ууу! Никакой свадьбе так не сигналият. Не зря я все-таки купил «кроссфаера». А на кучу «писем счастья» со штрафами мне пофиг.

Ощущение было, как перед выходом на ринг. Или как перед хорошей заварушкой в Зоне. Руки чесались, ноги тоже, устоять на месте было решительно невозможно, и я принялся ходить туда-сюда вдоль фонтана, мысленно складывать в узоры тротуарную плитку в форме листков клевера. Подростков на роликах сегодня не было, немолодая мамаша с коляской настороженно поглядывала на нервного плечистого мужика, меня то есть, а больше никого, не считая голубей, поблизости не наблюдалось.

Что ж такого раскопал сыщик? И почему делу не дали ход? Ясен пень, почему: у наркоторговцев всегда крыша. Все, даже предподъездные бабки, всегда знают, у кого достать дурь, но никто ничего не делает. А вот когда разнарядка – всех дилеров в автозак и на Колыму.

Если бы не Деня, ни за что бы не взялся наказывать наркоторговцев – дохлый это номер. Но как друга бросить в беде? К тому же я и правда что-то могу, только надо подумать, как подключить Соловьева, раз Кваснюк отказался. По идее, сначала надо снять сюжет о погибших детях, потом – о наркоторговцах и безнаказанности...

Я издали заметил Деню, идущего широкими шагами, и семенящего следом за ним тощего сутулого верзилу с сумкой от ноутбука. Казалось, что верзила вот-вот обнимет сумку и прижмет к груди. Скользкий неприятный тип. Такого же неприятного типа нам с Химиком как-то привел Шнобель в «Жирного зомби» и дядей представил. Эх, славное было время! Простое, ясное!

Деня увидел меня, заторопился, длинный еле за ним поспевал. Я зашагал навстречу. С Деней мы сегодня уже здоровались, а с верзилой обменялись рукопожатиями. Рука у него была холодной, как жабья лапа, и скользкой от пота. Хотелось вытереть ладонь, но я сдержался.

– Олег Рыков, – неожиданно твердым голосом представился сыщик, посмотрел налево-направо и добавил: – Вы впутываетесь в очень опасное дело. Опасное, потому что лично я так и не понял, с чем столкнулся, да и никто не знает – следы ведут в аномальную Зону.

– Да ладно! С чего вы взяли? – сам не понял, обрадовался я или удивился. – Я ту Зону много лет топтал! Ничего такого не помню.

Лицо у сыщика было землистое, как у лежалого зомби, маленькие глазки под набрякшими веками, нос остренький, длинный, щеточка седых усов... А волосы он точно красил – в коричневый. Кого-то он мне напоминает. Из популярного фильма? Ведущего? Нет... Кого же... Сыщик шевельнул бровями, но шевельнулось все: мешки под глазами, нос, усы и даже подбородок.

– Это не все. Злоумышленники работают под оч-чень мощным прикрытием. Большой человек покровительствует им.

Руки зачесались сильнее. Чем больше шкаф, тем громче падает. Тем интереснее будет низвергнуть с пьедестала зарвавшегося гада – в последнее время «Созидание» только этим и занимается, правда, рыба мелковатая попадает, скучно.

Сыщик погладил сумку ноутбука:

– Мне хорошо платили за эту информацию, но я вернул деньги и умыл руки, потому что хочу жить, и это при том, что у меня тоже есть «крыша». Мне прямо так и сказали: «Олег, жить хочешь? Тогда всю информацию сотри и забудь». Ну и мужчине, отцу погибшей девочки, тоже начали угрожать, а у него еще двое детей.

– У меня больше нет детей, – проговорил Деня заупокойным голосом, а я подумал, что на меня наехать не посмеют.

Кишка у них, откровенно скажем, тонка. Я не бизнесмен все-таки, а политик.

– Я воспользовался советом и «забыл». Да не совсем, у меня ведь тоже есть сердце. Потому вот, – он сунул мне сумку, определив во мне главного, – ознакомьтесь, я все расскажу. Только давайте, – он снова осмотрелся, – пройдем в какое-нибудь кафе, это место очень хорошо просматривается.

И все-таки, кого он мне напоминает?..

Спустя пять минут мы с наперстками эспresso (нормальный кофе, как дома, тут не делают – чтобы пол-литра, с сахаром и молоком) сидели в кофейне, отгородившись от стойки широкими листьями какого-то тропического растения. Леся точно сказала бы, как оно называется. Кроме нас и сотрудников, не было никого – выглянуло солнце, и все из торгового центра потянулись на улицу. Мы оккупировали диван из кожзама, сыщик сидел в середине, я – справа, Деня – слева. Официант принес нам слойки с сыром и, молодец, больше не беспокоил.

Я покосился на Рыкова, который и тут ерзал, места себе не находил, и вдруг до меня дошло, на кого он похож: на почтальона Печкина! Говорить ему этого я не стал, конечно же.

– Начнем с того, почему полицейские закрывают дела. Им никто не платит за это, даже если бы они хотели вести расследование, не имели бы права – улики и правда нет. В крови погибших детей нет никаких веществ, кроме тех, которые там должны быть. Вот результаты экспертизы, все справки скреплены, – он положил на стол стопку бумаг. – Потому полицейские опросили друзей погибших

подростков, учителей. Один следователь заподозрил действие тайной организации, думал, что детей гипнотизируют, но нет, они ходили в школу, на секции, к друзьям – кто куда. Половина родителей не заметила странности в поведении детей, потому что они – подростки, и часто ведут себя протестно, вызываясь.

Деня сжал виски и прошептал:

– Мне было некогда. Жена тоже на работе. Если бы вернуть время...

– Вы ничего бы не сделали, – Печкин повернул голову к Дене, и долю секунды я лицезрел его затылок, где очень хорошо смотрелась бы ушанка его прототипа из мультика. – Это не доказано, но привыкание к неизвестному веществу возникает если не с первого, то со второго раза. Причем прием необязательно осознанный. Вещество достаточно подмешать в питье, и после пострадавший будет испытывать такие муки, что согласится на все.

– Уверены? – насторожился Деня. – Тогда все дети были бы в больнице, а не на том свете.

– Не уверен. Это одна из гипотез. Слишком много пробелов. Одно сходится: человек. Смотрите. – Печкин разложил на столе пять черно-белых снимков с камер наблюдения. – Это пять разных школ.

На всех был один и тот же мужчина. Снимки Печкин подобрал такие, чтобы можно было хоть немного разглядеть лицо подозреваемого: везде он был в кепках, правда, разных. Где-то изрядно заросший щетиной, где-то бритый. Обычное славянское лицо: светлые брови, какие глаза, не разобрать, нос перебитый, «боксерский», с изломом вправо, губы... Женщине такие больше подошли бы. Форма лица прямоугольная, подбородок тяжелый. Череп округлый, правильной формы. Лоб среднего размера, чуть скошенный. Я старался запомнить каждую деталь, чтобы узнать его в толпе.

– Вы с детьми, ну, с одноклассниками, беседовали? – поинтересовался Деня.

– Да. Одни ничего не знают об этом человеке, другие говорят, что да, подходил, спрашивал, кто может недорого переустановить систему компьютера. Ни один не заикнулся о том, что это наркоторговец. В люберецкой школе он искал

парней-грузчиков на подработку. Это из того, что совпало. Вот еще один, вероятно, поделщик. Действует самостоятельно, по той же схеме. Этот, скорее всего, работает с девочками. Кхм... внешность располагает.

Я взял фото. Парень лет двадцати пяти, темноволосый, подтянутый, стрижка удлиненная, выражение лица томное. Типичный офисный планктон. Даже, скорее, преуспевающий. Этот засветился в трех школах. Может, просто педофил залетный?

- Остальные дети познакомились со злоумышленниками в Интернете: кто в соцсетях, кто в онлайн-играх. А может, я что-то упустил, и встречи происходили случайно.

- Или все-таки секта, - предположил Деня.

Печкин покачал головой.

- У них не было времени, чтоб обработать детей...

- А и не надо много времени, - вмешался в разговор я. - Есть такая штука - артефакт. Непонятно, что это за штука, до сих пор ученые объяснить не могут. Так вот, штука эта обладает странными сверхъестественными свойствами. Одни артефакты раны залечивают, другие облучают, третьи делают вещи легкими... Много у них свойств. А есть еще сборки, когда совмещаешь арты, и вообще непредсказуемые штуки получаются - и смертельные, и очень полезные. Если у этих... преступников был эдакий артефакт, они могли заставить детей сделать что угодно.

- Слышал о таком и даже не отрицаю. Но у таких вещей: А. Кратковременный период действия. Б. Они необратимо разрушают психику. То есть дети либо быстро вышли бы из-под влияния, либо превратились бы в идиотов. И не надо забывать о ярко выраженном синдроме отмены - у тех, кто выжил, судороги такие, что кости ломаются.

Деня сам себе сказал:

– Синдром отмены непонятно чего... И неважно, в принципе. Важно, что за жизни наших детей кто-то должен ответить.

– Полностью с тобой согласен! – поддержал его я. – И да, похоже на что-то из Зоны.

– Или простая химия, быстро выводящееся из организма вещество, – предположил Деня.

– Главное, что у нас есть он! – я схватил фотографию подозреваемого. – Возьмем его, поговорим по душам, а потом сдадим в полицию. Я как раз со своими побеседую, чтобы делу дали ход.

– Они его отпустят, а вас закроют за самоуправство, – предупредил Печкин.

– Другого бы закрыли, меня – не посмеют.

Печкин прищурился, изучая меня.

– Лицо знакомое, но...

– Новиков. «Созидание», – сказал я и дал ему время, но он так и не вспомнил. – Помните, торговый центр горел? Пожарные побежали спасать детей, и их там заблокировало, а потом их спас какой-то мужик? Так то я был. Так вот, один из тех заблокированных героев – Соловьев, потом полковника получил. У него был противогаз, и он выводил двенадцать детей. Соловьев потом создал «Созидание», раньше это была общественная организация, потом мы переросли в партию.

– Ах это вы! Как же не знать, знаю, не подумал бы, что встречусь при таких обстоятельствах, – он зачем-то встал, потряс мою руку, снова сел. – В вас я верю!

– Вы лучше в Бога верьте, а не в меня...

Он шутку не оценил, продолжил меня восхвалять:

– Уж вы точно доведете дело до конца! Два года назад у нас во дворе началась стройка, а вы ее остановили!

Сколько тех строек было! Расспрашивать его я не стал, заговорил на тему, которая меня больше интересовала:

– Даже если ничего не получится и его отпустят, надеюсь, что Зона меня не забыла. Я ее уж точно не забыл! Найду подонка там и кабанам скормлю.

– Не проще ли здесь? – сверкнул глазами Деня.

– Не проще. Здесь меня посадят, но если сделать это там – никто не тронет.

Сыщик Печкин лучше знал негласные правила: аномальная Зона от Икши до Дубны – особая территория, где законы не действуют. Отправляясь туда, человек «никого в своей смерти не винит». Если там кого-то прикончили или кто-то пропал, бесполезно об этом заявлять, даже если его застрелили на твоих глазах. Само собой, туда идут беглые зэки, беспредельщики, но быстро гибнут – Зона таких не любит.

– Живем с этой Зоной как на пороховой бочке, – проворчал Печкин. – У меня квартира была в Мытищах роскошная, двухуровневая! Всю жизнь на нее работал, и в один день она обесценилась, потому что там стало опасно!

– Слухи об опасности Зоны преувеличены, – успокоил его я. – Большинство мутантов не могут преодолеть стену Периметра.

Печкин ткнул в потолок костистым пальцем:

– А не большинство? Ага?

– Ничего уже не поделаешь. Показывай, что еще у тебя в сумке.

Печкин вздохнул, отодвинул фотографии и справки на край стола, выложил скрепленные степлером листы, снова с фотографиями, припечатал их ладонью:

– Это личные дела полицейских, которые пытались расследовать дела. Красным обведены незаинтересованные, к ним лучше не обращаться, зеленым – те, кто пытался хоть что-то сделать и узнать.

– Спасибо, это нам вряд ли пригодится. Дальше что? – я перегнулся через плечо, заглянул в сумку, где еще до фига всего было.

– Личные дела родителей с номерами телефонов и адресами. Всего двадцать восемь человек.

– Вы проделали огромную работу! – восхитился Деня. – И я там есть?

– Тебя нет, твой ребенок погиб позже. Еще есть друзья детей и их родители – всё с телефонами и адресами. Единственное, чего не успел сделать, – побеседовать с кем-то, кто ходит в Зону, он точно знает, что это за вещество и откуда берется.

– Ничего. Уж я поговорю.

Вспомнился Химик, который не просто ходит в Зону, он совсем свихнулся, прямо там поселился и живет, мимо него и комар не пролетит, если у того какие-то странности. Правда, поди Химику найди! Наверное, номер у него десять раз сменился. Я достал телефон, нашел Химику в списке контактов, сделал вызов и получил ожидаемое «Аппарат абонента выключен». И на том спасибо, значит, номер прежний, просто Химик сейчас в Зоне, где нет связи. Разговаривать с ним не особо хотелось – все равно что говорить со своим прошлым, но другого выхода я не видел.

– Разрешите откланяться, – проговорил Печкин, вставая.

– Разрешаю, – кивнул я. – Спасибо за проделанную работу.

Сыщик посмотрел с удивлением. Потоптался возле стола, покашлял, требовательно на меня глядя. Наконец не выдержал:

– Вы правы, я продел большую работу, много времени потратил. Представьте, сколько денег и времени потратили бы вы – не меньше месяца, и вряд ли результат превзошел бы это, – он взглядом указал на папку. – Да и чехол, кхм...

денег стоит. Так что я вправе рассчитывать на скромное вознаграждение.

Краем глаза я заметил, как Деня побелел лицом, как сжались его кулаки. Вот же жук навозный! Благородного из себя корчит, а сам на чужом горе нажиться хочет. Везде одно и то же! Сам-то как радовался, когда «Созидание» бесплатно остановило стройку.

– С тобой же уже расплатились, – проговорил я. Печкин попятился, его нижняя губа отвисла под щеткой усов и задрожала. – Правда ведь?

Жадность в его голове боролась со здравым смыслом и проигрывала, он чувствовал, что я хочу его ударить, а кулаки у меня немаленькие.

– Тебе же нравится, когда кто-то делает мир лучше, – с горькой иронией сказал Деня. – Вот и ты внес свой маленький вклад.

Не попрощавшись, Печкин вылетел из кафе, мы с Деней переглянулись.

– Что теперь? – спросил он.

– Поставим топтунов возле школ, дадим им фотографии. Как только появится кто подозрительный, нам дадут знать. У жены двоюродный брат мент, он подгонит подходящих людей. Когда поступит звонок, мы приедем и возьмем подозреваемого, запишем в мой минивэн, отвезем на дачу, побеседуем! Видишь, как все просто!

Выходя из кафе, я подумал, что накрылась наша семейная поездка на дачу, Леся расстроится, у нее там тюльпаны расцветают, с которыми она три года носилась, а Элина очень хотела повидаться с деревенским котом, который гуляет сам по себе. Ничего, переживут, ведь мы, как сказал Деня, делаем мир лучше.

А вот необходимость в службе безопасности партии отпала – вряд ли Литвинов одобрит такое самоуправство.

* * *

В те выходные мы все-таки выехали за город семьей. Хлопоты отвлекли меня от нашего дела, даже негодование улеглось, зато в голове засел Химик. А вдруг его уже нет в живых? Зона – место крайне опасное.

Почему-то казалось, что случись ядерная война, выживут крысы, тараканы и Химик – очень уж он здорово выкручивался из неприятностей. Я даже выключил газонокосилку, чтоб убрать шум, и смотрел на сосны в лесу, что сразу за нашим участком, слушал, как трещат стволы, переговариваются птицы; запрокинув голову, провожал взглядом облака.

Как волка ни корми...

Весной Зона во мне просыпается и стонет, и зовет, так зовет, что аж жилы выкручивает, ноги сами бежать готовы. Единственное лекарство – Лесины объятия. Или когда Элина подойдет, обнимет, я поцелую ее рыжие кудряшки, и зверь во мне утихнет.

Поначалу только спортзал спасал. Колбасишь грушу до изнеможения, и легчает. Года полтора все время повторялся сон, где Химик смотрел на меня, как на падаль, и говорил, что я его и Зону предал, вольный зверь превратился в цепного пса. Иногда я готов был со стыда провалиться под землю, иногда порывался его пристрелить, но он истаивал.

Так ли это? Я – цепной пес? Вся сущность бытия – цепь?

Я перевел взгляд на Олесю, хлопчущую в клумбе, на трехлетнего сына и Элину, бросающих крошки муравьям. Химик и без меня справится, а они – нет. Как говорил мой текстовик, «это твоя зона ответственности».

Я шепотом проговорил «моя зона ответственности», будто пробуя слова на вкус. Леся выпрямилась, улыбнулась мне:

– Посмотри, какая красота!

Зацвели розовые тюльпаны с бархатными лепестками, кое-где раскрылись желтые. В июне она так же будет радоваться розам, в сентябре – хризантемам.

– Очень красиво, – кивнул я и сел на корточки рядом с детьми.

Элина бросала муравьям крошки хлеба и смотрела, как они утаскивают добычу в щель между плитками.

– Папа! Смотри! – Егорка поднял облепленный муравьями кусок. – Не отпускают, вот жадины!

Налетел ветер, и сосны в лесу затрещали, закачались, выползло чернильное облако, потянуло болотной сыростью, словно сама Зона просочилась сюда и ждет, как бы заполучить меня. Не получится. Я сделал выбор, жизнь, где был Пригоршня, закончилась, началась новая.

– Пошли в дом, – проговорил я, глядя на наползающие тучи.

* * *

Две недели от наблюдателей не было вестей, будто злоумышленники, которые распространяют смертельный наркотик в школах, узнали о наших планах и спрятались. Так скоро учеба закончится, а мы не продвинулись ни на шаг. Деня сначала злился, потом впал в уныние. Его жена попала в больницу с нервным срывом, и он стал похожим на ходячего мертвеца.

Как назло, Соловьев улетел по своим делам в Японию, и все не получалось с ним поговорить насчет сюжета об опасном веществе из аномальной Зоны.

Позвонили, когда я почти потерял надежду. Чуть гнусавый голос «топтуна» отчитался, что объект замечен в Реутове, возле четвертой школы, где учился Димка. Слава богу! Столько денег потратил на этих топтунов! Дене я звонить не стал, он все только испортит – ну, какой из него боец? Боец в нем закончился в восьмом классе, когда он на карате ногу сломал. Я сам разберусь с этим мужиком, запишу разговор на диктофон и потом дам послушать Дене.

И снова – гонка по МКАДу, затем – Носовихин-штрассе, где вечные пробки.

На месте я был спустя полчаса, набрал топтуна, он сказал, что объект на месте, я попросил меня подождать и сделал два круга, объезжая железный забор

школы, спаянной со спорткомплексом в единое целое. Подходящее место для парковки нашлось во дворе.

Остановившись возле «девятки», я спустился на землю и понял, насколько непростое дело мне предстоит. Забрал из тайника под сиденьем крошку «беретту», проверил, заряжен ли пистолет, в карман куртки сунул нож-складень.

Нужно будет, не привлекая внимание, затащить в машину мужика, а это сложно, ума ни приложу, как это повернуть. В Зоне я особо не парился бы, там кто сильнее, тот и прав, а тут везде камеры, менты сразу же слетятся.

Я остановился во дворе, огляделся, делая вид, что потягиваюсь. Здесь вроде чисто, камер нет. Дурак я, что на своей машине прикатил и даже номера грязью не заляпал. После дождя грязь найти несложно, и я ляпнул на три последние цифры спереди и сзади, посмотрел, как получилось. Химик бы сказал, гармонично. Минивэн «пацифика» у меня черный, а черные машины кажутся грязными, даже когда они почти чистые.

Химик в моей памяти восстал, и сквозь года я почти как наяву услышал его голос:

– Ты посмотри, в кого ты превратился! От каждого хлопка дергаешься, трясешься. Ты терпила, Пригоршня! Ты за пригоршню сребреников свою душу продал и к бабе прилепился, она теперь тобой рулит, а вспомни...

– Заткнись, – прошипел я, вышел из двора и двинулся вдоль забора.

Где-то тут бродит топтун, которого Валерик, Лесин брат, поставил, надо его вызвонить, пусть расскажет подробности.

Топтуном оказался юноша лет двадцати, тощий, заморенный, с красными глазами – ночами рубится в Интернете. Парнишка был невысоким, и чтобы посмотреть мне в глаза, запрокидывал голову. Несмотря на худобу и несуразность, топтун оказался хватким. Не отводя взгляда, он прогудел басом:

– Он тут, рядом со мной ошивается, к подросткам пристаёт. Идемте, покажу.

Он накинул капюшон куртки, сунул руки в карманы и зашагал вперед, но, как он ни старался сутулиться и казаться развязным, осанка выдавала в нем или полицейского, или военного. Наверное, он какой-то курсант.

Парень остановился на дороге, с обеих сторон залепленной машинами. Из-за этого образовалась пробка, водители сигналили друг другу, самые отчаянные били по колесам припарковавшихся, чтобы сработала сигнализация и прибежавшие водители и отогнали свои тачки. В результате в машинах сработала сигнализация, но никто не пришел – видимо, проходили соревнования в спортивном центре, и все были заняты. Шум и неразбериха – это хорошо, это как раз мне на руку.

– Вон, видишь, тащится? В камуфле и с рюкзаком?

– Спасибо, можешь идти, – я похлопал парня по спине, уставился на идущего навстречу и попытался понять, с первого удара он упадет или со второго.

Черную кепку он опустил так, что был виден лишь нос и небритый массивный подбородок – непонятно даже, тот ли это человек. Только когда он приподнял голову, выискивая кого-то за забором, стало ясно: он самый. Жертву караулит.

Высокий, с меня ростом, в плечах поуже, припадает на правую ногу, чуть сутулится. Не стоит забывать, что он ходок из Зоны, а там хлипкие не выживают.

Мужик поравнялся со мной, я заглянул ему в лицо, а он меня проигнорировал, продолжал жевать жвачку, даже пузырь надул, так увлекся. Его не волновало, что происходит вокруг. Да, это именно тот тип с фотографии. Даже если он – караулящий жертву педофил, бить его можно и нужно.

Вот только как? Допустим, дам я ему сейчас в бубен... И что? Окружающие сбегутся и отобьют его, они-то подробностей не знают. Если долго его пасти, он обратит на меня внимание. Что же делать?

В такие моменты мне не хватало Химика, он бы выкрутился, придумал бы что-то, нахимичил. Как-нибудь бы всех обманул. Я тащился следом за преступником, смотрел на перекинутый через плечо черный рюкзак и пытался Химика поставить на свое место.

Он бы сказал, что надо придумать, как расположить к себе случайных свидетелей, что-то такое сделать, чтобы оказаться правым. Вот если бы гад начал к девчонкам приставать, я бы вмешался...

Мужик замер недалеко от ворот, только его массивные челюсти ворочались, на территорию школы заходить не стал. Во дворе было пустынно, но скоро прозвенит звонок, и домой пойдет вторая смена. Я остановился возле темно-розового кроссовера, достал телефон и сделал вид, что читаю сообщение.

Мужик сунул в рот сигарету, закурил, не выплевывая жвачку. На вид ему было не больше тридцати, лицо прямоугольное, чуть приплюснутое, сломанный нос с горбинкой, глаза светлые, глубоко посаженные, цепкие.

«Химик, где же ты, когда так мне нужен», – призвал я голос, который все время появлялся некстати и ни разу, когда надо бы.

В голове крутилось «залетный педофил». Отсюда до моей машины было довольно далеко – не потащишь его на горбу. И не заманишь, он не идиот, чтобы пойти со мной. Что же делать?

Размышляя, я перестал маскироваться и в открытую уставился на мужика, он тоже смотрел на меня, и во взгляде его читалось недоумение. Ну вот и конец маскировке, надо что-то делать... Мимо меня пробежала девочка в черных гольфах и клетчатой юбке. Девочка. Педофил... Придумал! Химик бы мной гордился! Ай да я!

Я в кармане нащупал пистолет, приготовился снять его с предохранителя. Подошел к мужику, расправившему плечи, и проговорил громко, чтобы все слышали:

– Думаешь, я не знаю, что ты творишь, извращенец?!

Проходящие мимо мамы с детьми остановились, чтобы посмотреть цирк.

– Ты чего? Дебил, что ли? – мужик искривил рот, выплюнул сигарету.

– Тебе мало взрослых баб? На девочек потянуло?

Глаза моего врага стали еще больше, он шевельнул челюстями.

– О чем ты говоришь?

– О тебе, педофил, и о Юле моей! Да как ты смог, она ж еще ребенок!

– Какая еще Юля...

Я выхватил пистолет из кармана, ткнул мужику в живот. Только он и я видели пистолет, остальные думали, что правильный мужик, то есть я, поймал педофила и держит его за куртку.

– Только дернись, – прошипел я и добавил громче: – Не знаешь Юлю, да? А она тебя знает! Она рассказала, что ты сделал и как запугивал ее. Думаешь, я не вижу, как ты тут ошиваешься уже два часа, поджидаешь ее?

Я рассчитывал, что мужик постарается решить проблему мирно, подумав, что на него напал взбешенный родитель, который его с кем-то путает. Надо дать ему надежду.

– Ты ошибаешься, она не там, – я кивнул на школу. – Она у меня в машине. Что, страшно ответить за свои дела? Она вся в меня, ее не запугаешь!

Мужик облегченно выдохнул:

– Ну вот и идем к машине, мне бояться нечего, пусть она скажет, что ее папаша-дебил на людей бросается.

Он думает, что сейчас совращенная кем-то другим девочка не признает в нем злодея, и я его отпущу.

Зеваки следили за нами с разинутыми ртами, но досмотреть спектакль не смогли: мы двинулись вдоль забора, свернули, и они потеряли нас из виду. Мужик шагал впереди, надеясь на скорое избавление, я держал его под прицелом. Осталось довести его до машины и вырубить, а потом – отвезти на дачу для беседы по душам.

Глава 4

Химик. В добрый путь

Институт находился на северо-западе, у границы второго и первого круга Зоны, в относительно безопасном месте, но нашими усилиями не представляющем интереса для сталкеров. Ближе всего отсюда выбираться из Зоны недалеко от Малеевки, что на северо-западе, возле Клина.

К Периметру меня сопровождали Коба и Джига. Можно было и без них, за много лет мы с Зоной научились отлично друг друга понимать, я стал ее частью, и большинство аномалий мог распознавать без гаек, но мутантов никто не отменял, а с ними в одиночку сложно справляться. Когда вернусь из большого мира, Коба и Джига пойдут за «живицей» со мной. Иггельд был уверен, что мы втроем не справимся, ведь «живица» – редкий артефакт, а значит, будет опасность и трудности, и настоял, чтоб увеличить группу до пяти человек: помимо этих двоих со мной пойдут два мало знакомых сталкера – Самкин и Труба.

Рыжий Джига к своим обязанностям относился ревностно и очень тормозил движение, бросая гайки вперед. Полагаясь на интуицию, я шел бы быстрее.

– Зона не любит педантов, – проговорил я, когда он в очередной раз наклонялся над упавшей гайкой. – Чтобы выжить в безумном мире, нужно иметь здоровую долю безумия.

Пока Джига искал аномалии, Коба с автоматом наизготовку выцеливал мутантов. Эти двое отлично друг друга дополняли.

Раньше я в Зону ходил, чтобы отвлечься от рутины, прикоснуться к таинственному, сейчас – наоборот. Большой мир стал враждебным. Точнее, не так: он отторгает меня, но для меня не перестал быть интересным. Да и пора уже обновить снаряжение, в Зоне оружия валом, а хорошая снаряга есть только в большом мире.

Это ж замечательно: принять горячий душ и плескаться, сколько душе угодно, сидеть в кафе и не озираться по сторонам, смотреть, как беззаботно текут машины. Позвонить Пригоршне, подраконить его. Кто бы мог подумать, что этот сорвиголова женится и в политику ударится? Интересно было бы поговорить с ним с глазу на глаз, посмотреть, остался ли он прежним и сопротивляется своей природе или заплыл жиром и утратил интерес к настоящей жизни.

– Стоять! – скомандовал Коба, прицелился в малинник. – Там кто-то есть.

Я замер на одной ноге, прислушался к треску сухих веток. В тростнике и малиннике все время так – когда ветер, сухие ветви качаются, трещат и кажется, что там кто-то прячется. Коба сопел так громко, что я на него цыкнул. По спине пробежал холодок, как когда на тебя кто-то смотрит, появилось предчувствие опасности.

– Возможно, упырь, – шепнул я. – Если не ошибаюсь, сейчас он замер и включил маскировку. Вы когда-нибудь встречались с упырем?

Коба кивнул, Джига покачал головой.

– Коба, ты счастливчик, это очень опасная тварь. И обнаружить его сложно, потому нападение упыря, который как хамелеон, – всегда неожиданность. Его проще перехитрить, чем выследить, потому идем дальше, но держим ухо востро, пусть думает, что мы его не заметили. Он будет акулой кружить, сокращая расстояние. Может и отстать, но если он голоден, то вряд ли.

Я похлопал гранату на поясе. Одной пулей упыря не завалишь, порой и магазина не хватает. Стреляешь в него из АК, а он все прет на тебя и даже не вздрагивает от пуль. Потом на колени падает, но все равно лезет.

Больше других мне неприятны человекообразные мутанты, они как насмешка над нашей природой. А может, они были такими, как мы, – область, где раскинулась Зона, когда-то густо населяли люди. До сих пор ученые голову ломают, что с ними стало.

Неясная тень метнулась от ствола к стволу – молодец Коба, заметил упыря! Пока он на безопасном расстоянии, но скоро подойдет вплотную, вот тогда и нужно действовать. Джига почувствовал опасность, остановился, Коба тоже встал.

Ноздри его немаленького носа раздувались, словно он пытался унюхать добычу.

– Упырь слева за соснами, метрах в пятнадцати от нас, пока он далеко, присматривается, – сказал я. – Идите спокойно. Коба, будь готов стрелять. Когда упырь подойдет ближе, я метну гранату.

– А вдруг незаметно подползет? – поинтересовался перестраховщик Джига, швырнувший вперед гайку. – Слышал, что он и с дерева может броситься.

– Если мы будем идти быстро, не успеет.

Я ощутил легкое покалывание – значит, неподалеку аномалия. После болезни мои способности обострились, я вполне мог бы работать проводником и иметь немалые деньги, но они мне теперь были ни к чему.

Коба вздрогнул, указал стволом направо:

– Там тоже кто-то есть, и уже близко.

– Даже упырь не успел бы так быстро...

Коба оказался прав: замшелый холм в пяти метрах от нас будто бы плавился и каплей перетекал вперед.

– Ложись! – скомандовал я и швырнул гранату вправо.

Джига рухнул ничком, Коба тоже, прикрыв голову руками, только я завалился на спину, потому что и слева был упырь. Другой упырь, хотя в паре они не работают.

Грохнуло так, что в ушах зазвенело. От взрыва в воздух взлетели прелые листья, комья земли и мха, обломки корней, перемешанные с кусками плоти, разлетелись на многие метры вперед. Одной рукой я держал автомат, прижимая приклад к груди, второй прикрывал лицо от мусора, но все равно был вынужден щуриться и моргать – сверху сыпалась земля, дождь из земли...

...Куски кувыркаются, отскакивают от расплывчатого силуэта, который все ближе, ближе. Что за... Упырь прыгнул. Я выстрелил. Пули прошли полупрозрачное тело наискосок – словно капли вошли в мутную воду, чуть всколыхнув ее. Я схватил приклад обеими руками, выбросил перед собой, ударив атакующего упыря. Весил он изрядно, меня так впечатало в землю, что позвоночник хрустнул. Мутант схватился за АК обеими лапами, сделался видимым, заверещал, и в полуметре от моего лица раскрылся розовый цветок рта, обрамленный щупальцами, которые заскользили по коже, попытались обхватить мою голову. С тонких игл зубов тянулись нити слюны. Из зева тянуло гнилью и падалью. Я сопротивлялся изо всех сил, пинал тварь ногами, на которые капала горячая кровь мутанта, но ему было все равно, так он хотел жрать. Руки тряслись от напряжения, еще минута борьбы – и треснут кости, лопнут сухожилия. Ну и сильная тварь!

Мутант подмял меня, навалился сверху всем телом – держать его становилось все труднее. Неподалеку матерился Коба, грохали выстрелы...

Наконец до упыря дошло, что эффективнее действовать иначе, он занес лапу для удара, второй все еще держа приклад.

Все, что я подумал, – какая глупая смерть.

Мгновение, и сделалось легко, щупальца мутанта дернулись и опали, я оттолкнул его за секунду до того, как из его пасти по щупальцам хлынула кровь. Над поверженной тварью возвышался взмокший Джига с окровавленной саперной лопатой.

– Спасибо, – хрипнул я, сел, отполз от дергающегося упыря; даже издыхающий, он может серьезно ранить когтистыми лапами.

Джига потряс лопатой:

– Самое надежное оружие. А вы с меня ржете, что я все с собой таскаю.

– Не буду больше, – пообещал я и осмотрел поле боя.

От взорванного мутанта осталась нижняя часть, по которой можно было сказать, что это самка. Присыпанный землей Коба сидел на поваленном стволе и перевязывал лодыжку. Я не сразу заметил тельце маленького мутанта в траве у его ног.

– Оно мне когтями ногу исполосовало, – пожаловался он и пнул дохлого детеныша. – Ты когда-нибудь видел упыриную семью? Я и не знал, что они паруются.

– Только слышал. После встречи с ними мало кто выживает.

– Ну вот мы втроем, и еле отбились. Если бы не Джига...

– Да ладно вам, – он махнул рукой, но самодовольство пробивалось сквозь каждое движение – нравится Джиге быть героем.

– Коба, подожди. У меня есть «гематоген», давай тебя подлечим. – Я достал из контейнера багряно-красный камень-артефакт, весь изрытый бороздками и напоминающий окаменевший кусок мяса, дал его Кобе. – Водка есть? Он радиоактивный.

– Есть. Потом выпью.

Коба размотал бинт, явив моему взору три глубокие борозды, поморщился:

– Больно, блин. Оно мне надкостницу задело.

«Гематоген» начал действовать, кровь остановилась и будто бы всосалась назад, на месте кровоточащих сосудов появились розовые гранулы. Коба стиснул зубы и принялся скрести здоровую кожу, приговаривая:

– Чешется, блин. Заживает.

Боковым зрением я уловил движение за его спиной – словно тень промелькнула. Поднял голову, прищурился...

Оно прыгнуло со ствола раньше, чем я сообразил, что это кровосос. Обхватило щупальцами голову Кобы, сбilo его, и они покатались с пригорка. Я прицелился, но стрелять не стал – слишком велик риск ранить Кобу. Джига метнулся на выручку напарнику, принялся крошить мутанта саперной лопатой, но не попадал в позвоночник.

Наконец сообразив, что ему угрожает опасность, упырь отлепился от Кобы и бросился на Джигу, получив от меня порцию свинца. Это был упыреный подросток размером со среднего человека, он понимал, что его оружие – не только зубы, но и мощные когтистые лапы, и пытался выбить лопату из рук Джиги одной лапой, а второй – полоснуть его. Я переключил АК в режим стрельбы одиночными, прицелился в голову мутанта, нажал на спусковой крючок... Мутант дернулся, но не упал даже с дыркой в голове, таки ухватил лопату, отшвырнул в сторону и прыгнул на Джигу, но парень был не дурак и бросился наутек. Мутант слабел с каждым шагом и, издав утробный рык, упал, уставившись на меня злобными оранжевыми глазами. Даже когда упырь издох, из остекленевших глаз его не ушла ненависть.

Мы с Джигой бросились к неподвижному Кобе. Лицо его больше походило на котлету. Упырь исполосовал его мелкими острыми зубами, повредил нос, порвал губы и снял кожу со щеки. Коба был жив, в уголках губ пузырилась красная пена. Бормоча под нос то ли заговор, то ли успокаивая себя, Джига вылил на лицо Кобы пузырек перекиси, я нашел в траве «гематоген», вложил в руку Кобы и сжал его пальцы.

Закончив с перекисью, Джига распахнул камуфляжную куртку на Кобе и остатки перекиси вылил в неглубокую рваную рану на боку.

– Мне не нравится его нос – поврежден хрящ, тут надо швы накладывать. А щека – бог ты мой! – Джига приложил лоскут кожи к мышцам, чтобы под действием «гематогена» он прирос ровно.

Раны затягивались на глазах, кровь засыхала. Вскоре стало ясно, что глаза Кобы целы, а это главное, ведь свойства «гематогена» не безграничны. Наконец Коба захрипел, распахнул полные ужаса глаза, выдохнул со свистом, схватился за грудь:

– Ребра сломал, сука.

Ощупал лицо и разрыдался. К тому моменту раны уже зарубцевались, и лоб, щеки, нос и даже подбородок покрывала сеть розовых шрамов.

– Ничего, шрамы мужика украшают, все обошлось, – успокоил его я.

Коба опустошил флягу водки, крякнул.

– Спасибо вам.

– Эх ты, нуб дремучий, – я хлопнул его по спине. – В Зоне не принято благодарить напарников, на то он и напарник, чтоб помогать. Сегодня тебе помогли, завтра – ты поможешь. Вставай, надо доковылять до «Титаника», пока ты не вырубился. Там поешь и отоспишься.

– Я еще не попадал в такие ситуации, – сказал Джига, подставляя Кобе плечо, но он от помощи отказался, поковылял сам. – В смысле, усиленно не регенерировал.

– Год назад я попал сюда вместе с Заком, он же Закорючка, слышали о таком? – пролепетал Коба, зевнул, повертел головой, отгоняя сон. – Он говорил, что ему напарник нужен, а сам использовал новичков как отмычки. Каждый второй у негодох. И я должен был, меня тогда из-за него анархисты подстрелили, а Зак сбегал, бросил меня. Если бы не «гематоген», помер бы, наверное. Знаю, что после «гематогена» обязательно надо пожрать, да от пуза, чтоб восполнить запасы. Тогда мне кость в ноге повредили, но я ниче, доковылял. А поел слабененько, так утром два зуба раскрошились. Так-то.

«Титаник» было видно издалека. Одной Зоне известно, откуда пять лет назад посреди леса взялась плоская поляна со ржавой баржей, вмурованной в ил килем, заваленным полусгнившими бревнами. Корма, где некогда располагалась капитанская рубка, торчала на поверхности, там предприимчивый сталкер Вуд обустроил бар и плохонькие номера, а в киль под землей прорыл ход на случай выброса.

На подходе к «Титанику» колени Кобы подогнулись, и он чуть не упал. Дальше он геройствовать не стал и воспользовался плечом Джиги, у которого я забрал рюкзак.

Еле втащили Кобу в бар по выкрашенному в зеленый трапу. Вуд нас уже встречал, взглянул на Кобу с исполосованным лицом, всплеснул руками:

- Химик! Живой, чертяка! Чем могу помочь?

Я усадил Кобу, сразу же уронившего голову на руки, сложенные на столе.

- Товарища накормить и спать уложить. Джига, проконтролируешь?

Вуд, как и я, был старожилом, о болезни моей он, как и все окружающие, не знал, просто таким способом выражал восхищение моей везучестью - больше десяти лет рискую, хожу к самой Дубне, и мне хоть бы что. Я пожал протянутую лапищу:

- А ты все худеешь.

Вуд похлопал себя по животу размером с рюкзак альпиниста:

- Это стратегический запас на случай кризиса.

Он очень гордился своим прозвищем, думал, что его так называли потому, что он могучий и стойкий, как дерево, дуб, например, но на самом деле wood в его случае - бочка. Мало кто помнил, как родилось это прозвище.

Я повертел головой, заметил, что Вуд полностью обшил бар изнутри деревом и вскрыл его лаком, свет давали две тусклые лампочки, посаженные в деревянные люстры.

- Смотрю, у тебя изменения к лучшему. Прямо аж в безопасности себя ощущаешь.

- Спасибо, бродяга. Ты, как обычно, туда и назад?

- Завтра в обед вернусь. Накорми моего напарника, а то он скоро вырубится.

– Хорошо, – Вуд направился к стойке, где угадывались бутылки разных форм и содержания, обернулся: – Жду тебя завтра! А то и поговорить не с кем, одни желторотые юнцы.

Джиге, хлопчущем вокруг Кобы, не понравилось такое неуважение к молодости, желваки на щеках напряглись, но он стерпел.

* * *

Большой мир встретил меня теплом и солнцем. Природа пробуждалась после зимней спячки, листья разворачивались буквально на глазах, казалось, я слышу, как ворочаются в земле ростки, что стремятся к солнцу.

Я плюхнулся на заднее сиденье синего «ланоса» с шашечками и продиктовал адрес в Клину. После того как появилась Зона, жилье там обесценилось, и я прикупил квартирку еще когда мы с Пригоршной были напарниками. Таксист, заросший бородой по самые уши, вздохнул, что мало зарабатывает.

Возле периметра местность мало отличалась от той, что в Зоне, но чем дальше мы отъезжали, тем светлее становилось небо, глаза заболели от солнечного света, и я сощурился. Все больше появлялось встречных машин, вскоре мы свернули на трассу, где они текли потоком. Черт побери, как же я отвык от суеты и шума! Отвык от безопасности.

От старух и стариков на остановках, от детей. От ухоженных домов и ровного асфальта, от высоток и светящихся билбордов.

Вспомнился анекдот про окулиста и гинеколога: «Люди, люди, живые люди!» – «И лица, лица, лица». Удивительное дело, но именно за пределами Зоны у меня два раза начиналось обострение, сейчас я сработал на опережение и подлечился.

Я смотрел в окно и не сразу заметил, что «Ланос» въехал во дворик, окруженный высотками, где по обыкновению было негде припарковаться, пожилой усатый таксист остановился посреди дороги, включил аварийку и виновато проговорил:

– С тысяча.

Я перекинул рюкзак через плечо, молча отсчитал ему деньги и вышел. Как дурно пахнет мир за пределами Зоны! Гарью, котами, собаками, мусорными контейнерами. Мимо пронеслась стайка детей на самокатах, проковыляла грузная женщина. Пропустив ее, я зашагал к подъезду, где не было даже домофона, приходилось вводить код: семь-три-семь-шесть-четыре.

Вздохнула, приоткрываясь, дверь.

В тесном лифте пахло свежим ремонтом, лестничная клетка тоже сияла чистотой. Неужели меня так долго не было, что человечество изменилось в лучшую сторону? Или я переместился в параллельный, более совершенный мир?

Собственная квартира меня в этом разубедила, потому что конь тут не валялся ровно столько, сколько я отсутствовал – полгода, ворвавшийся свежий воздух поднял столб пыли, заколыхалась паутина между двумя куртками на вешалке.

Следовало бы пригласить уборщицу, но на это было жаль тратить день, и я решил отложить до следующего своего визита. Хотел включить допотопный телик, оставшийся от предыдущей хозяйки – помянуть ушедшую эпоху, но он не работал. Неужели отрубили электричество? Я щелкнул выключателем – лампочка загорелась.

Первым делом я включил перекрытую воду, затем нашел старенький телефон, поставил на зарядку, включил, и он захлебнулся писком – начали приходить сообщения. Под тонной обрушившегося спама я чудом обнаружил сообщение, что позавчера... или три дня назад... Черт, какое сегодня число? В общем, мне пытался дозвониться Пригоршня. Что ему от меня понадобилось? Омолаживающий арт для жены-блондинки?

Арт, улучшающий сообразительность, чтоб доченька хорошо училась?

Вряд ли он просто хочет увидеться. А вдруг жена загуляла, ушла, и он решил вернуться в Зону? Девять лет назад мне это было бы на руку, сейчас же реалии Зоны изменились, появились новые аномалии, а Пригоршня не стал моложе и сильнее, он отстал от жизни.

Забавно, а я отстал от жизни здесь. Без автомата чувствую себя голым.

Я решил не набирать его, пусть и был соблазн потешить самолюбие, послушать его жалобы, что все обернулось именно так, как я говорил. Хотя с чего я это взял? Болото не убьет бегемота, он там счастлив, просто ему от меня что-то нужно.

Телефон зазвонил сам.

Глава 5

Пригоршня. Допрос

«Беретта» тыкалась в спину ходока из Зоны, сталкером я бы его не назвал. Эта тварь позорит сталкеров. Он шагал уверенно, расправив плечи, жевал жвачку так интенсивно, что кепка двигалась туда-сюда. Меня волновал вопрос, как сделать, чтобы встречные не заметили пистолет. На его месте правильно бросить рюкзак мне в лицо и рвануть в сторону, но он не подозревал, что его ждет, надеется, что сейчас все разрешится в его пользу.

Как же его вырубить, чтобы окружающие не заметили? Пока ничего в голову не приходило, буду действовать по обстоятельствам. Мимо припаркованных автомобилей мы прошли во двор, где я припарковал «пацифику». Не теряя бдительность, я смотрел по сторонам. Было сыро, пасмурно, и двор пустовал, только на детской площадке три мамы запускали визжащих малышей с горки.

– Ты реально псих, – подал голос мужик. – Я реально твою малую не трогал. Как извиняться будешь?

– Заткнись, – рявкнул я. – Ты мне зубы не заговаривай. Сейчас у Юли спросим.

– Поскорее бы, – вздохнул мужик, остановился, завертел головой. – Где твоя тачка? Далеко?

Я кивнул направо, туда, где как раз отъезжал «Ниссан-Кашкай», ткнул пистолетом в спину:

- Шевелись.

- Ты реально гонишь, чувак, – он хмыкнул. – Как выкручиваться-то будешь?

- Выкручиваться будешь ты, – я толкнул его пистолетом, и он зашагал вперед.

«Ниссан» освободил так необходимое мне место возле «пацифики». Как хорошо, что я не успел снять тонировку со стекол, и мужик не видит, что никакой Юли в салоне нет! Надо сделать так, чтобы он пригнулся, изо всех сил долбануть его лбом о крышу, затолкать в салон и вырубить. Затем связать, заткнуть ему пасть. Мужик не выдержал, посмотрел на меня, покачал головой, криво улыбаясь:

- Ну ты и псих! Конченный псих!

Я открыл машину и постучал в стекло:

- Юля! Скажи мне, это он? Ну же, не бойся, открой!

На лице мужика прочиталась растерянность, он не понимал, что происходит, почему я, уходя, запер ребенка в машине, а теперь она не спешит открывать. Пока он не запаниковал, я потянул дверцу – она отъехала в сторону. Мужик пригнулся, заглядывая в салон, и я изо всех сил приложил его головой о крышу машины.

Жертва не вырубился, просто отшатнулся и присел, я огляделся, никого рядом не обнаружил, толкнул его в спину – он упал в салон, откуда я предусмотрительно снял сиденья, я навалился сверху, захватил его шею и принялся душить. Некоторое время он пытался меня сбросить, лягался и хрипел, потом – дотянуться до моих глаз, но с каждой секундой сопротивление слабело, и вскоре он обмяк.

Как предусмотрительно я снял сиденья! Затащив тело в салон, я крепко связал мужика заранее подготовленной веревкой, заткнул ему рот, заклеил скотчем. Вытер пот и задумался, что теперь делать. В любую минуту он придет в себя и начнет брыкаться, это привлечет внимание к моей машине. Хочешь не хочешь, надо звонить Дене, чтоб сидел рядом и успокаивал пленника, пока мы будем ехать. Как хорошо, что он живет в Реутове!

* * *

Во избежание неприятностей дожидаться Деню на этом месте я не стал, поехал к его дому и примерно через пять минут езды остановился, заведя его, бегущего навстречу. Он даже не переоделся, надел куртку на спортивный костюм. Не говоря ни слова, он распахнул дверцу в салон, злобно уставился на пленника, залез и принялся его избивать, приговаривая:

- Ах ты ж гнида! Вот тебе! На! Еще на!

Я включил аварийку, за талию вытащил брыкающегося Деню и отшвырнул от жертвы, покрутил пальцем у виска:

- Долбанулся? А вдруг он ни при чем? Прежде надо допросить.

Деня без жалости покосился на пленника, извивающегося червяком.

- Ыыы, - хрипел он. - Аааыыууу!

А вдруг он и правда ни при чем? Если так, то до Дениной атаки с ним можно было бы договориться и расстаться полюбовно, теперь - вряд ли.

- Просто сиди рядом, чтоб он не брыкался, ничего не делай, ни о чем не спрашивай. Если начнет шуметь, вырубай, но не травмируй серьезно.

Взгляд Дени помутнел, ноздри его раздувались. Он сел на пол в салоне, упершись в заднюю дверцу спиной. Пришла запоздалая мысль, что не зря я купил минивэн, в нем трупы возить удобно.

- Ладно. Ты прав. Но ведь на фотографиях, которые Рыков дал, он один в один! - донесся голос Дени, когда я уже завел мотор. - И что за Юля? Одна из погибших девочек?

- Помолчи пока. Если начнет дергаться - вырубай, разрешаю.

При первой возможности свернули с главной – чтобы гаишникам глаза не мозолить, и дальше ехали проселочными дорогами. Да, так на полчаса дольше, зато безопаснее.

Завидев мою машину, сторож на КПП дачного кооператива помахал рукой и поднял шлагбаум:

– Что-то вы зачастили, Никита Ильич.

Обычно я останавливался и беседовал с ним, теперь сделал погромче музыку – вдруг клиент начнет выть и биться головой о пол. Краем глаза я видел, как Деня прижал башку пленника к полу.

Дача моя находилась в самом конце улицы, возле самого леса. Дорога раздолбалась после зимы, мы ехали медленно, цепляя дном кочки. Обветшалые бабушкины дачи соседствовали с современными коттеджами, деревянные заборы – с воротами, открывающимися с пульта.

Мою дачу окружал высоченный кирпичный забор, выглядывала только красная крыша. Я ценил надежность и не хотел быть заложником гаджетов и всякой электроники, потому калитка у меня открывалась ключом, а ворота – вручную изнутри.

Я подогнал машину как можно ближе к двери дома, закрыл ворота, взял из кухни свой рабочий свитер, надел его на голову пленнику и завязал рукава на шее – не нужно ему знать, куда мы приехали... Хотя это излишние меры предосторожности, мое лицо он наверняка запомнил. Если я в нем ошибся, будет скандал.

– Тащим его в спортзал, – сказал я, взял пленника за ноги и наполовину выволок на улицу.

Почему-то казалось кощунством, что я привез его сюда – в маленький рай, розовеющий тюльпанами. Будто бы присутствие этого человека осквернило святыню, созданную Лесиными руками. Я взял пленника под мышки и поволок к дому, Деня порывался мне помочь, но понял, что только мешает, взял черный рюкзак и пошел следом. Все, что он мог, – открывать передо мной двери.

По крутой бетонной лестнице я стащил пленника в спортзал, оборудованный в цоколе. Он был небольшим, едва помещались велотрек, универсальный тренажер, штанга с блинами, гантели и мой участок для бокса с грушей. К зеркалам жались Лесины причиндалы – гантельки, доска-ступенька, розовый резиновый шар, похожий на огромное коровье вымя.

Деня расстелил резиновый коврик Леси, я усадил на него пленника, прижав его спиной к велотреку, стянул с его головы свитер, оторвал скотч и вытащил тряпку изо рта.

Мужик хрипло попросил пить и расхохотался. Деня принес стакан воды, он напился и шепнул:

– Вы реально психи. На фига я вам нужен?

Я сел на корточки возле него, не мигая посмотрел ему в глаза, как это делают следователи на допросах. Он ничего не должен знать о наших на него планах, тогда начнет паниковать, ошибаться и сам все выложит. Если бы встретились, Химик не узнал бы меня. Интересно, он тоже изменился или остался прежним?

– А сам ты как думаешь? – спросил я.

Деня тем временем принялся потрошить рюкзак, и клиент напрягся, глаза чуть из глазниц не выпрыгнули. Что же у него там?

Он дернулся, замер, аж желваки вздулись. Ага, значит, у него там что-то запрещенное. Я переместился поближе к Дене. На ковер легла пластиковая бутылка с мутной жидкостью, кошелек, пачка сигарет с зажигалкой, жвачка. Деня расстегнул подобие косметички и двумя пальцами вытащил «Макарова». В боковом кармане нашлись патроны к нему, а также ПДА, какие используют в Зоне, и пустой контейнер для артефактов.

Я взял пистолет, вытащил магазин, выщелкнул патроны:

– Ух ты! Разрешение на ношение оружия имеется?

– Вы что, менты? Какого хрена вам от меня нужно? – занервничал пленник. – Если менты, то совсем тупые, что ли?

Кепка потерялась, и было видно, как покраснела кожа головы под ежиком светлых волос.

– В Зону, значит, ходишь? – я повертел в руках контейнер. – А это территория охраняемая, чтоб туда попасть, разрешение надо.

– Чего. Вам. От. Меня. Надо? Бабла? В кошельке пятнадцать штук, больше нет.

Я снова расположился напротив пленника:

– Расскажи лучше, что ты делал возле школы, кого выжидал?

– Ты реально думаешь, что я педофил? – фыркнул мужик.

– Засыпкин Максим Сергеевич, – проговорил за спиной Деня, протянул мне паспорт с вложенными правами, я продолжил:

– Тридцать два года, значит. Итак, что ты делал возле школы?

– Мать моего ребенка не разрешает мне видеться с сыном, – пробормотал он. – Я его ждал, чтоб поговорить, пока она не видит.

– Сколько сыну лет? – спросил Деня.

– Восемь.

– Что-то не сходится, Максим Засыпкин. Потому что у тебя нет детей. Если бы были, ты бы знал, что до третьего класса школьников из школ забирают родители. И еще неувязочка. Что делают отцы, которые давно не видели своих чад? Приносят им подарки, хотя бы конфеты.

Деня сел со мной рядом, впился взглядом в лицо Засыпкина, и он сразу побледнел, потому что из зрачков невысокого чернявого парня на него смотрела

сама смерть.

- Я его планировал повести в кафе, - проблеял пленник и скосил глаза, ища у меня защиты.

Деня вытряс рюкзак - посыпалась мелочь, визитки, мусор, выпал кошелек. Я принялся визитки перебирать: с тюльпаном - магазин цветов, фиолетовая с розовой лентой - скидочная карта чего-то там, «мерс» с шашечками - такси, еще такси - ничего интересного. Деню привлекла бутылка с жидкостью:

- А это что такое?

Засыпкина перекосило.

- Глотни, узнаешь.

Деня свинтил крышку и поднес бутылку к губам Засыпкина:

- Пей.

Белый как мел пленник сжал челюсти и отвернулся.

- А вот это уже интересно, - проговорил я. Деня же получил доказательства, что в бутылке - то самое вещество, погубившее Димку, он наотмашь ударил Засыпкина, его голова запрокинулась, я схватил Деню за руку и почувствовал, как его трясет от злости. - Подожди.

- У меня есть деньги. Сто тысяч. Сколько вам нужно? Я достану, - пробормотал Засыпкин, зажмурившись, и добавил жалобно: - Вы же менты, вы деньги любите...

Деня ткнул горлышком бутылки в сжатые губы Засыпкина:

- Пей!

Засыпкин уставился на меня и забормотал:

- Вы же за бабло все продадите! Мы же вам заплатили, мало, да? Какого черта...

Деня попытался его напоить содержимым бутылки, и он стиснул челюсти.

- Денис, подожди. Отойди. Пусть он все расскажет. Ты ведь не будешь врать, правда? Что в бутылке и зачем ты околачивался возле школы?

Он покосился на Деню, на меня, снова на Деню и заговорил:

- Вещество из Зоны, какое-то новое из аномалии или... Хрен его знает.

Деня воскликнул:

- Какие еще тебе доказательства нужны? Можно, я его прикончу?

- Нет. Говори, что за вещество, зачем оно тебе.

- Точно не знаю. Вызывает привыкание, но излечивает от многих болезней. Позже выяснилось, что испытуемые становятся внушаемыми.

- Вот оно, - сказал Деня голосом, каким зачитывают приговор. - Зачем это тебе?!

- Изучали действие на людей. Сперва положительные моменты, отрицательные выяснились позже...

- И ты все равно...

- Тише, Денис. Подожди.

Удивительно, но взбеленившийся Деня подчинился, хотя видно было, что он готов разорвать Засыпкина Максима Сергеевича.

- И какие же отрицательные?

- Привыкание. Испытуемые становились внушаемыми, делали все, что им скажут...

– Ах ты ж гнида, – прошипел Деня и не сдержался, бросился на Засыпкина, я сбил его с ног, навалился сверху, завернул руку за спину.

Деня хрипел, сыпал проклятиями, матерился, но вскоре затих, уткнувшись лицом в ковер. Бутылка выпала из моих рук, содержимое разлилось по ковру, но внутри осталось граммов сто пятьдесят. Я поднял ее, сел на корточки напротив Засыпкина, поболтал бутылкой у него перед глазами. Кажется, он понял, чего от него хотят, мотнул головой и забормотал:

– Смерти детей... Это случайность! Мы хотели помочь! Близорукие стали видеть, болезни прошли... Но дети привыкли. Я старался уменьшить дозу, чтоб они соскочили. Реально не вру! А смерти – случайны! Они услышали где-то что-то про самоубийство, попали под внушение. Если они не получат дозу, то звездеч им. Отпустите меня!

– Денис, помоги. Проверим вещество и выясним, насколько испытуемые становятся внушаемыми. Если напьется, врать он не сможет. Держи его голову. Нет, лучше на тебе бутылочку, а я открою ему рот.

Засыпкин понял, что мы не менты, спасения ждать неоткуда, на снисхождение рассчитывать не стоит, и договариваться мы не расположены.

– Вы об этом пожалеете, – проговорил он, когда я шагнул к нему, распластался на полу, принялся дергаться, выть, биться головой о тренажер – то ли убить себя пытаюсь, то ли отсрочить миг расплаты.

Оседлать его удалось без труда, а вот чтобы напоить, пришлось немного придушить и заливать адское зелье в полудохлую тушку.

Как только вещество попало в организм, клиент расслабился, заулыбался, бездумно уставился в потолок. Я продолжил допрос, включив диктофон на своем телефоне-птеродактиле:

– Откуда у тебя вещество?

– Вадим дал.

– Что за Вадим?

Говорил пленник неохотно и коротко, но отвечал четко. Удалось выяснить, что действует то ли группировка, то ли организация «Руна», в которой он состоит. У этой группировки крыша в полиции, и лучше с ними не связываться, а Главари – в Зоне. Сам Засыпкин не знает, кто Главарь, он знает только Вадима, да и тот появляется сам – ни тебе его адреса, ни номера телефона. Вещество и правда разрабатывалось как лекарство, побочные эффекты выяснились позже. Чем больше вещества попало в организм, тем раньше формируется зависимость и тем более управляемой становится жертва. «Руна» изучала, как влиять на подростков, чтобы при этом они оставались вменяемыми. От пятидесяти граммов, а примерно столько выпил Засыпкин, разрушается воля и у человека нет шансов выжить, даже если постепенно уменьшать дозу. Смерти детям никто не желал, жертвы случайно попали под чужое внушение. Но «Руне» было плевать на риск, испытания на людях все равно проводились. Больше ничего выяснить не удалось.

Деня слушал пленника, скрестив руки на груди и притопывая. Он напоминал кота, который хочет съесть мышь и ждет, когда хозяин отвернется.

Закончив допрос, я повернулся к Дене, протянул ему «макарова» и патроны:

– Если хочешь его пристрелить, лучше сделать это в лесу.

Денис уставился на пистолет как баран на новые ворота, свел брови у переносицы, посмотрел на Засыпкина, торжествующе улыбнулся, прицелился ему в голову.

– Скажите хоть напоследок, что я вам сделал? – спросил Засыпкин, все так же бестолково улыбаясь.

– Твое вещество убило моего единственного сына, он учился в четвертой школе.

– Я реально не хотел. Да, пристрелите меня, я теперь зависим. Мне реально надо по глотку этой хрени в день, а столько мне никто не даст, это дорого. Мы малым по паре капель давали. Только пристрелите быстрее, пока мне все пофиг. Или дайте пистолет, я сам.

Я смотрел на него и думал, что вещество это – аномальное, в лаборатории его исследовать бесполезно, результат будет какой угодно, но не тот, что нужно: например, что это песок или обычная вода. Глупо привлекать «Руну» по закону, их вина недоказуема, ну и про «крышу» забывать не стоит. Поэтому Кваснюк и отказался мне помогать. Только самим надо разбираться, и не здесь – в Зоне. Здесь половина следаков пальцем у виска крутит, когда слышит про Зону. Хотя она и под боком, многим удобнее думать, что ее нет.

До машины Засыпкин дошел на своих двоих, послушно улегся в салоне, Деня сел рядом с ним, попытался снарядить магазин, но это ему давалось тяжело. Сразу видно человека, который с оружием дела не имел. Наверное, и выстрелить не сможет. Тяжело человека пристрелить, даже если он конченный.

Мы отъехали от дачного кооператива на северо-восток, поближе к Мытищам и к Зоне – там меньше ментов и праздно шатающихся, опасно это, мутанты иногда забегают, их отстреливают охотники, так что еще один «бабах» внимания не привлечет. Одно не давало мне покоя: кто-нибудь наверняка видел, как я увозил Засыпкина. Когда его найдут застреленным в лесу, у меня могут быть неприятности.

Не сворачивая с дороги, я затормозил, съехал на обочину и приказал Засыпкину:

– Убей себя.

Вещество действовало, и он начал выполнять приказ с рвением: биться головой о пол, пытаться свернуть себе шею. Деня развел руками и замер, пока я не приказал Засыпкину остановиться.

– Он сам себя убьет, – проговорил я. – В него нельзя стрелять, у меня семья, и в Магадан я не собираюсь. Слышишь меня, Максим Засыпкин? Сейчас мы тебя развяжем и отпустим. Ты никому не позвонишь и ничего не расскажешь. Пойдешь по этой дороге. Отсчитаешь триста шагов, остановишься на обочине, закуришь и будешь ждать грузовик, а затем бросишься ему под колеса. Так бросишься, чтоб он наверняка тебя убил. Понял?

– Понял, – радостно отозвался он.

Деня не поверил в силу внушения.

- А если он сбежит?

- Мы будем держать его под прицелом.

Я вышел из машины, открыл капот - симитировал поломку. Забрал пистолет, зарядил его, снял с предохранителя. Деня без слов понял, что нужно делать: разрезал веревки на руках Засыпкина, приговаривая:

- Нас ты тоже не тронешь. Все, пошел!

Я прицелился в спину Засыпкина, который уходить не спешил.

- Ну же, пошел!

- Ты сказал, я должен закурить... Сигарет реально нет!

Я бросил пачку, Засыпкин на лету поймал ее, сунул в рот жвачку и танцующей походкой счастливого человека пошел по обочине, не оборачиваясь. Когда он дошел до места, где дорога чуть забирает вправо, я подумал, что Засыпкин сейчас сбежит, но нет, постоял немного, двинулся дальше, исчез из виду.

Мимо нас промчался кроссовер, затем - «газель» с брезентовым кузовом, а за ней летел тягач без прицепа. Мощный «американец», как в рекламе газировки «праздник к нам приходит». Эти тягачи с мощными колесами, агрессивными мордами, светящиеся ночью наподобие новогодних елок, в детстве для меня были олицетворением Штатов. Типа ковбоев, только современных.

С грохотом и свистом тягач пронесся мимо, свернул... Хлопок удара утонул в визге тормозов. Лишившийся воли Засыпкин выполнил мой приказ. Пропустив микроавтобус и «девятку», я развернулся через сплошную и укатил, откуда приехал. Ощущение было, словно я раздавил огромную мокрицу. Сидящий рядом Деня молчал, чтобы не было видно, как дрожат его руки, он сжал кулаки.

Я поделился соображениями, что корень зла надо искать в Зоне, Деня молча кивнул. Он всю дорогу не проронил ни слова, только кивал. Только возле своего подъезда он оживился и выдал:

– Все-таки я попытаюсь через ментов узнать, что можно сделать здесь и что это за «Руна».

После смерти Димки Деня жил, чтобы отомстить. Если его остановить, он загремит в дурдом к жене. Мне же это дело надоело, злодея мы наказали, теперь члены «Руны» будут осторожнее. Если и распутывать клубок дальше, надо искать ниточки в Зоне. Деня туда не пойдет – не тот он человек, а меня в Зону не тянет. Точнее, наоборот, боюсь сорваться, бросить все и пропасть там.

Я повертел в руках телефон, вспоминая старых знакомых из Зоны, и тут мой птеродактиль пискнул – пришло сообщение. Задолбали спам рассылать!

Сообщение было от оператора, что Химик появился на связи. Как раз у него и спрошу, что за «Руна», он должен знать...

Почему-то пальцы отказывались нажимать на кнопку вызова, будто это красная кнопка. Нажми ее, и твой мир взорвется, разлетится осколками.

Я устыдился собственной мысли, что испугался Химика. Вот еще, это моя жизнь, как хочу, так и строю ее. Из трубки донеслись протяжные гудки.

Глава 6

Химик. Сборы

– Привет, Пригоршня, – проговорил я. – Можно тебя называть так или лучше – Никита Ильич?

– Говори, как нравится, – ответил он без выражения.

– Как семья? Как дети? Когда планируешь третьего?

Мой вопрос остался без ответа.

– Я звоню по делу. Вдруг согласишься помочь по старой дружбе, а если не по старой, – он хмыкнул, – то за пригоршню долларов.

– Миксовать можно? – улыбнулся я, развалившись на пыльном диване в спальне, где заряжался телефон. – Чтоб и по дружбе, и за пригоршню... Звучит как тост – за Пригоршню! Так что стряслось? Чего вдруг я понадобился?

Пригоршня начал издали. Все-таки сильно он изменился, раньше в лоб бы сказал.

– Ты ж занимался перепродажей артов одно время, а другое время провел в Зоне, знаешь там каждого... упыря.

– Ага, только сегодня четыре штуки завалил. Неужели ты собрался в Зону тряхнуть стариной и хочешь меня нанять?

Долго Пригоршня юлить не смог и выдал:

– Для начала скажи, что за группировка «Руна», кто у них рулит, где логово.

– Без понятия, – честно ответил я, напряг память, где что-то шевельнулось, будто в мутной воде плеснула рыба. – Впервые о таких слышу. Уверен, что эта группировка именно из Зоны? Где ты их откопал?

– У друга умер сын, как выяснилось, он принимал неизвестное вещество из Зоны. Это жидкость, которая не обнаруживается в крови, но действует как сильнейший наркотик.

Почему-то вспомнилась семейка упырей, которых мы выкосили, и нижняя часть взорванной самки.

– Молоко мутанта? Кровь кукловода? Сок растения-мутанта?

– Не смешно. Но если по этим... ассоциациям, то ближе к крови кукловода. Человек, который принял вещество, теряет волю и становится внушаемым.

– Ладно. С чего ты взял, что наркота твоя из Зоны? Вдруг химики потрудились, разработали уникальный состав.

– Ага... Химики. Я побеседовал с тем, кто давал вещество детям, и он раскололся. У меня восьмилетняя дочь, мне надо ее обезопасить.

– Да забей ты! Совсем крышей поехал. Наркотой торговали и в пору моей юности, и еще через двести лет будут торговать. В Зоне ничего такого нет, если бы было, я бы знал, уж поверь. Это прикрытие такое, потому что в Зону никто не полезет искать дилеров. На самом деле ту дурь варят где-то в подвале.

– Почему тебе удобно так думать? – упирался Пригоршня. – Я уверен, что это или сборка, или... Как ты сказал. А уж ты в сборках мастер!

– Послушай, Пригоршня. Если бы что-то такое появилось в Зоне, я бы точно знал. С недавних пор меня перестали интересовать разборки между кланами и сами кланы, появились более важные дела.

Пригоршня молча сопел в трубку, казалось, я слышу, как скрипят шестеренки у него в голове. Не верит? Ну и пусть, какая мне разница. У меня есть дело к большому миру: нужна экипировка и еда. Завтра все вернется на круги своя: я отправлюсь в Зону, позже добуду «живицу», сделаю сборку, которая мне уже снится, поправлю здоровье. Надеюсь, что поправлю, и не «хорошо, если год протянешь», а проживу еще десять – двадцать интересных и насыщенных лет.

Пригоршня отключился. Столько друг другу жизнь спасали – и ни здрастье, ни до свидания. Я закинул ноги на спинку дивана и закрыл глаза.

По ту сторону сомкнутых век почему-то полыхал бело-голубой огонь, куда меня толкала неведомая сила.

Утром я по максимуму использовал блага цивилизации и даже в ванне горячей повалялся, затем собрался наскоро и – за снарягой. Благо подходящий магазин был в квартале от моей берлоги.

Вот казалось бы: в цивилизованном мире, где оружие носить могут только избранные, а стрелять почти и не в кого (или сильно наказуемо законом), не должно быть

повального интереса к «военке», по крайней мере, у населения старше двадцати лет.

А вот и нет. Каждый седьмой офисный москвич, обладатель двух машин, трех кредитов и квартиры в ипотеку, таскает на пузе-арбузе тактический ремень, который поддерживает тактические штаны, заправленные в тактические кроссовки, на ремне болтается тактическая ручка, тактический фонарик, а в карманах тактического жилета – тактический кевларовый кошелек, тактический карабин, тактический носовой, блин, платок!

Ладно, мне для дела. Но им-то зачем?!

В предобеденный час буднего дня магазин «Снежный Барс» был пуст. Только у стойки с футболками-непотейками околачивался типичный tactical teddy: толстый парень лет тридцати, с заплетенной в косички рыжей бородой и рыжим же хвостом по лопатки. На парне были штаны «5.11», кроссовки той же фирмы и футболка с лого известного страйкбольного клуба.

Продавец, тощий подросток, вился вокруг рыжего, предлагая товар.

Я кашлянул.

Продавец окинул меня скучающим взглядом. Вот то ли морда шибко интеллигентная, то ли прикид слишком поизносился – но потому я, собственно, и здесь.

– Вакансия закрыта.

Эвона даже как...

– Мне нужен рюкзак, небольшой, на трое суток автономного выживания, – сообщил я.

– Магазин «Рыболов» дальше по улице.

Не люблю я таких наглецов, ничего из себя не представляющих, Зоны не нюхавших, но мнящих себя в уютной безопасности родного магазинчика царями

и богами. Широких жестов тоже не люблю, однако выхода нет.

Я достал кошелек и демонстративно пересчитал купюры. Рыжий гулко сглотнул. Продавец попытался слиться с интерьером – надо отдать должное, почти на уровне упыря...

Нужен мне был не только рюкзак, но начали с него. Собственно, выбирать долго не было нужно – при всей раскрученности «5.11» и диких наценках их снаряга – лучшее, что поставляется на наш рынок. Зеленый рюкзак, почти кубический, с кучей креплений молле, с регулируемыми лямками, удобной спинкой – то, что нужно для активных передвижений.

Ребром стоял вопрос одежды.

Это сталкеры-новички шли в Зону в камуфляже образца «мой папа – комбат», а я мог и в драных джинсах по Зоне шастать. Технология на месте не стоит, давно придумали массу синтетических материалов, не пропускающих влагу и не дающих замерзнуть. А ночью в Зоне замерзнуть проще простого, а уж промокнуть – врагу не пожелаю, когда костра нет.

Поэтому я взялся за доходягу-продавца основательно.

Во-первых, куртка. Кондоровский хард-шелл с водонепроницаемой молнией и карманами, капюшоном – то, что нужно. И движений не сковывает, и выглядит неприметно.

Во-вторых, пара флисок под нее. Футболки и так, по мелочи.

Штаны GORE-TEX – тоже необходимость, если ползешь по болоту или по мокрому лесу. Весят мембранные шмотки немного, те же штаны – меньше полкило.

Естественно, взял я двое брюк «5.11» с кучей шлеек и карманов. В них, если нужно, можно кучу снаряжения насовать. Или, например, патронов россыпью и запасные магазины.

Ремень «Кондор» – на него хорошо крепить кобуру пистолета, когда достаешь оружие, кобура не слетит, не отвалится. Кобуру я тоже купил – из прочного

пластика. Продавец попробовал впарить «кобуру для скрытого ношения под мышкой», но я, естественно, отказался.

Кроме того, мне нужны были ботинки и трекинговые кроссовки. LOWA и, опять-таки, «5.11».

Зал «буш-крафт» с выживальщицким снаряжением заставил облизнуться. Фонарики, зажигалки, фильтры для воды, горелки, палатки, лопатки... Все это было очень удобным, очень функциональным и очень дорогим.

И, увы, все это имело свою массу, а значит, утяжеляло ежедневно носимый комплект.

Нет, не нужны мне в Зоне модные фильтры для воды. Там такая вода бывает – ни один фильтр не спасет. И зажигалка не нужна, и палатка новая, компактная. Потому что, когда бежишь ты от опасности или попал под огонь, все бросишь. А чем тяжелее рюкзак, тем медленнее ты ходишь, тем неповоротливей ты.

Это как с имуществом по жизни: стоит обрасти ценными вещами – и пропал.

Вот Пригоршня – оброс.

Дом у него, семья, машина, небось, солидная. И весь он стал – солидный, тяжелый, скучный и душный. Можно встретиться, выпить пива, повспоминать, повздыхать: а помнишь? А ты – помнишь? А вот было время! А как мы их, а? А они нас, а?

Только это будет сублимация прежнего нашего партнерства.

– Что-нибудь еще желаете? – вывел меня из задумчивости продавец.

Я взял наружную аптечку и пару подсумков на рюкзак – в случае чего, их легко можно бросить, – перчатки и носки. Хорошая обувь бессмысленна, если обуь ее на дешевый носок отечественного производства: собьется складками, натрет там, где можно и где нельзя, нога сопреет. Жуткое дело – обычная мозоль, если вот-вот Всплеском накроет и драть надо, а ты не в состоянии. Да и зараза может попасть – я видел придурков, чуть не лишившихся ног из-за простого

несоблюдения гигиены. А возьмешь Covert, к примеру, с антибактериальной пропиткой, точно на стопе сидящие, никуда не сползающие и идеально отводящие влагу, – и чувствуешь себя человеком.

Все-таки иногда деньги решают.

Как решили они для Пригоршни.

Деньги, семья, спокойствие. Небось, пузо уже наел. Стал как те депутаты из телевизора – дирижаблем.

Я расплатился с продавцом, накинув ему тысячу «на чай», засунул шмотки в новенький рюкзак, подхватил пакеты с тем, что в рюкзак не влезло, и вышел на летнюю улицу. Желание, впрочем, довольно смутное, позвонить Пригоршне и все-таки пообщаться, исчезло, оставив гадкий привкус во рту – вроде как с похмелья, хотя и не пил.

Теперь – дома переодеться, взять из еды того-сего и в путь.

В молодости как – бросался в любой омут очертя голову, но сам при этом думал, что все рассчитал. На самом же деле придумай ты хоть сто «планов В», хоть везде соломы постели, по закону подлости упадешь именно там, где ее нет.

Сейчас не то чтобы появилась осторожность – появилось осознание, что ты можешь потерять мир. Ну, или мир – тебя. Я смотрел на город сверху, из окна своей квартиры, слушал, как у соседей гудят трубы, как сигналият автомобили и смеются подростки, и почему-то думалось, что я вижу все это в последний раз.

В такси, везущем меня в Клин, я прощался с большим миром, спокойным и неповоротливым. Не как умирающий прощается с семьей – как старый больной кот, уходящий на очередную охоту. Он может вернуться, а может и нет.

Джигга и Коба ждали меня в «Титанике», удобнее было пересекать Периметр там же, откуда выходил, но я решил сделать крюк, чтобы вооружиться – недалеко от Клина логово самого толкового торговца оружием, Спрута. К тому же Спрут все про всех знает. Одни говорят, он нашел артефакт «всевидящее око», и теперь ничто не ускользает от его внимания, другие – что он попал под очень мощный

всплеск и приобрел некоторые особенности.

Странно, давно такого чувства не было, уныние – грех!

– Можно сделать музыку погромче? – спросил я и, не дожидаясь ответа, увеличил звук. Оказалось, до того, как я сюда сел, играл транс. Водитель был меломаном и понатыкал колонок везде, куда дотянулся. Машина завибрировала, запульсировала, будто забилося огромное сердце.

Водитель обрадовался и начал дергать головой в такт музыке. Поглядывая на меня с любопытством, он наконец не утерпел:

– А ты это... туда, да? Ну, в Зону?

– Сильно заметно? – спросил я серьезно.

– Ну как бы да. Вас всегда видно, – одной рукой держа руль, он протянул визитку. – Говорят, там ствол достать легко. Я купил бы пистолет. Сколько это будет стоить?

– Не, я таким не занимаюсь, – я взял визитку. – Отдам ее одному парню, вдруг его заинтересует. А сам чего не пойдешь за Периметр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/levickiy_andrey/ohotniki-za-artefaktami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)